

Юрий Тимофеев

НЕ ХОДИ СЛУЖИТЬ В ПЕХОТУ!

КНИГА 5. ГЕНЕРАЛЬСКИЙ ШТАБ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Тимофеев
Не ходи служить в пехоту!
Книга 5. Генеральский штаб
Серия «Не ходи служить
в пехоту!», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64199036

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98164-5

Аннотация

Продолжение серии «Не ходи служить в пехоту!». Книга 5. «Генеральский штаб» — «Сердюковская» военная реформа и война с Грузией глазами офицера Генштаба.

Посвящается всем, кто пережил боль и скорбь от методов проведения реформы, организованной В. Путиным и воплощённой А. Сердюковым. Тут и далее по тексту совпадение с фамилиями, должностями политиков и начальников не имеет ничего общего с реально существующими людьми. Текст книги — это полный художественный вымысел автора, не имеющий отношения к большим начальникам и их неприкасаемым персонам.

Последний бой российской армии советского образца – война с Грузией. Кто реально внёс решающий вклад в победу над врагом? Как это было?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Юрий Тимофеев

Не ходи служить в пехоту! Книга 5.

Генеральский штаб

Предисловие

Продолжение серии «Не ходи служить в пехоту!»

Читайте:

«Не ходи служить в пехоту!» Книга 1. «Начало движения»

«Не ходи служить в пехоту!» Книга 2. «Война по законам мирного времени»

«Не ходи служить в пехоту!» Книга 3. «Завели. Сели. По-ехали. Там разберёмся» 25-летию начала Первой чеченской войны посвящается!

«Не ходи служить в пехоту!» Книга 4. «Штурмовой отряд пехоты. 20-летию начала Второй чеченской войны посвящается!»

Книга 5. «Генеральский штаб» – продолжает повествование о службе Юрия Тимофеева. «Сердюковская» военная реформа и война с Грузией глазами офицера Главного оперативного управления Генерального штаба Вооружённых Сил

Российской Федерации.

Посвящается всем, кто пережил боль и скорбь от методов проведения военной реформы, организованной В. Путиным и воплощённой А. Сердюковым. Тут и далее по тексту совпадение с некоторыми фамилиями, должностями политиков и начальников не имеет ничего общего с реально существующими людьми. **Текст книги – это полный художественный вымысел автора, не имеющий отношения к большим начальникам и их неприкасаемым персонам.**

Последний бой Российской армии советского образца – война с Грузией. Кто реально внёс решающий вклад в победу над врагом? Как это было?

Посвящается солдатам, сержантам, прапорщикам и офицерам 19-й и 42-й мотострелковых дивизий, а именно: 70-го, 71-го, 135-го, 429-го, 503-го, 693-го мотострелковых полков, 292-го самоходного артиллерийского полка, отдельных батальонов «Восток» и «Запад» 42-й МСД, других частей и подразделений этих дивизий, принимавших участие в русско-грузинской войне. А также всем доблестным офицерам-лётчикам; матросам, старшинам, мичманам и офицерам героического Черноморского флота, всем солдатам, сержантам, прапорщикам, офицерам отрядов спецназа от 10-й и 22-й бригад специального назначения Главного разведывательного управления Генштаба, всем, кто принимал участие в войне с грузинами в составе 56-го гвардейского десантно-штурмового полка 20-й мотострелковой дивизии, пара-

шютно-десантных и десантно-штурмовых полков ВДВ.

Посвящается офицерам Генерального штаба Вооружённых Сил, главных и центральных управлений Министерства обороны.

Глава 1

Россия. Москва. Апрель 2001 года.

Заместителем командира мотострелкового полка в Подмосковьи я пробыл менее одного года.

Это было хорошее время. Почти каждый день поздно вечером я выезжал домой в Москву и рано утром возвращался на службу. Хронически не высыпался. Но оно того стоило. Я жил семейной жизнью. В воскресенье был почти всегда выходной, и мы его проводили очень интересно. В субботу вечером я приезжал к обеду, и после посещения какого-нибудь культурного мероприятия (балет или опера, джаз или рок-концерт) мы с Аллой ходили в ресторан, вкусно и не спеша ужинали.

Однажды меня вызвали в управление кадров округа и предложили должность командира мотострелкового полка в Забайкалье. Собственно говоря, я понимал, что если откажусь сейчас, то мне всё равно туда придётся уехать, но тогда на равную должность, и если не в этом, то в следующем году.

Посоветовался с Аллой. К этому времени мы прекратили разговоры о моём увольнении и прочее. Алла хоть и не согласилась с моим призванием быть офицером, но временно смирилась. Воспринимала мою службу как мальчишескую забаву, не имеющую денежного или иного материального смысла.

Но как сохранить при этом семью? Вот в чём вопрос. Приезжать ко мне Алла сможет очень редко. Мои аргументы про гражданских моряков и тому подобное не очень ею воспринимались. Конечно, вариант ехать ко мне на постоянное место жительства даже не рассматривался.

И всё же неприятных разговоров удалось избежать. Договорились, что всё будем решать постепенно, по мере продвижения. Это означало, что проблема не решена, и мы будем полагаться на русский «авось». В целом я признавался себе, что Алла основательно поднадоела, и меня не страшила разлука с ней. Однако распускать мысли я себе не позволял, полагал, что разлука нам пойдёт на пользу и поможет принять решение, да и дочь имела для меня огромное значение. Будь что будет.

Перед отъездом встретился с Игорем. Пошли поужинать в мексиканский ресторан. Мне не давала покоя та встреча с ним в парке, когда мне показалось, что Игорь хочет что-то сказать, но не решается. Лезть к нему в душу тоже не хотелось.

Выпили крепко, и Игорь поведал самое сокровенное.

Он не любит жену, во всех смыслах. Мучается. Она хороший человек, и претензий к ней нет, но он её не любит. Уйти не может решиться, потому что дети и тесть. Другой женщины у него нет: не хочет с кем-то связываться. Планирует уйти и жить один, а для утех всегда найдёт кого-нибудь. Вот так. Именно это я и подозревал. Игорь выговорился. Ему тяже-

ло. А я не знаю, что ему сказать и что посоветовать. Чем помочь? Вот сидим мы с ним, взрослые мужики – один командир полка, другой занимает полковничью должность в ФСБ – и совершенно ничего не понимаем в элементарном деле под названием семейная жизнь. В конце концов он напрямую спросил:

– Ты бы как на моём месте поступил?

– Поговорил бы с женой. Всё ей рассказал, как ты сейчас. Она у тебя умная и достойная, должна понять и поможет всё разрулить. Тем более ты собираешься себя нормально вести по отношению и к ней, и к детям. Опять же, ты не к согласной со всем хохлушке ушёл. Тут совершенно другое, новой женщины просто нет. Нет никаких имущественных и денежных вопросов. Пока что жена – самый близкий тебе человек. Ну а если с ней будет всё нормально, то и с тестем всё будет хорошо, ты же остаёшься отцом его внуков. Тут такое дело. Но это моё мнение, я в этих вопросах человек бесхитростный и неискушённый.

– Ты прав, Юра. Я тоже так хочу поступить. Просто мне не с кем поговорить, посоветоваться, и немного страшно. Ты в армии и у вас там есть дружба, можно с кем-то дружить, а мне не с кем. Я один! Понимаешь? Нельзя никому и ничего сказать! И ты у меня единственный друг! Понимаешь? Единственный. Если мы рассоримся, то не будет никого. На всём свете! Я привык. Я сам с собой разговариваю. Мне интересно поговорить откровенно с умным человеком.

– Поговори со мной. Мне всегда с тобой интересно, Игорь. Но ты же ничего не рассказываешь.

– А ты интересуешься? У тебя в голове одна война. Одни БМП, танки, САУ, «Тунгуски», «Шилки», вертолёт, самолёт и Чечня с Карабахом.

– Я не спрашиваю тебя из деликатности. Боюсь, что тебе нельзя ничего рассказывать. Считаю, что ты сам, если сможешь, то мне всё расскажешь.

– Как бы не так! А ты возьми да расспроси! А то мне кажется, что ты снисходительно к моей нынешней службе относишься, высокомерно, и всем видом показываешь, что тебе неинтересно и даже безразлично. Типа ФСБ – это про то, как подсматривать, подслушивать и пытаться в подвалах Лубянки. Показываешь, что это ниже твоего достоинства.

– Если честно, ты во многом прав. Но не во всём. Мне интересно. Даже очень. Но я не знаю, о чём можно, а о чём нельзя тебе спросить.

– А ты спроси. Я сам решу, что можно, а что нельзя тебе говорить.

– Тогда извини меня. Выходит, я тебя совершенно не понимал. Раз такое дело, то рассусоливать нечего. Подведём черту. Принимаешь моё объяснение и извинение, и начинаем разговаривать, как в старые добрые времена. Идёт?

– Идёт.

Игорь заказал бутылку текилы, вино отодвинули в сторону. Выпили два раза.

– Расскажи, чем ты там занимаешься? – первым обратился я к Игорю.

– Всем.

Повисла тишина. Я взял паузу и решил её держать, как учил знаменитый русский режиссёр советского периода.

Игорь молча смотрел мне в глаза. Постепенно молчание переросло в подобие игры, кто первым моргнёт.

Мне это уже не нравилось. Как командир, я должен брать инициативу в свои руки. Это всё-таки не спектакль.

– Пи...ц, поговорили. Интересный рассказ получился у тебя, Игорёк.

Игорь еле слышно рассмеялся и выпил залпом текилу.

– Теперь ты меня извини. Сейчас отвечу.

Помолчали. Затянулась пауза минут на пять. Мне захотелось встать и уйти.

– Я начальник отдела. Отдел занимается борьбой с исламским терроризмом на Северном Кавказе. По этому направлению сейчас большие угрозы. У нас пока что плохо получается, хотя нас всячески усиливают по всем направлениям. Можем попросить всё что угодно и получим без промедления. Даже денежное довольствие прилично повысили. Но ситуация ужасная, нужны годы, чтобы её переломить. Как ты должен понимать, этого времени у нас нет. Что делать, знаем и как – тоже знаем, но чтобы везде вырастить свою агентуру, нужно много денег и времени. Деньги есть, времени нет. Всё очень сложно.

– Теперь следующее. У боевиков здесь, в России, огромная сеть помощников и информаторов. Просто гигантская. В этом направлении только-только развернули работу. Это тема не моя, но информацией, разумеется, делюсь. Только сейчас к этой работе подключили и органы военной разведки. Да что ты на меня так смотришь? Да, ваше Главное разведывательное управление Генштаба тоже в этом направлении работает – и напрямую и через Разведуправление Северокавказского военного округа, всюду вербует агентуру по всему Кавказу. Взаимодействия почти нет, зато появилась конкуренция. На мой взгляд, на данном этапе, абсолютно ненужная. Получилось так, что я вынужден и Грузией заниматься по факту. Там много чего интересного находим. Вкратце вот так. Но до победы очень далеко. Слишком всё запущено; ввязавшись во вторую Чеченскую войну, террористы направили острие удара на территорию России, а не на Кавказ.

А что Путин? Он что по этому вопросу думает?

– А сам не видишь?

– Не пойму я его. Вроде везде молодец, в общем всё правильно делает. А в деталях мне всё не нравится.

– А что не нравится?

– Первое, что начал вторую Чеченскую войну, не продолжил политику признания независимости Чечни, не поставил жёстких условий Дагестану и всему Северному Кавказу, типа или безусловное следование светским законам России,

без национальных особенностей, или примите свою независимость, пожалуйста. Второе, что войну начал без нормальной подготовки, конечно, сейчас лучше были готовы, чем к первой Чеченской, но всё равно недостаточно. Третье, это штурм города пехотой, срочниками, то есть он осознанно пошёл на огромные жертвы, не бережёт русский народ или не продумал, не понимал, что город должен был брать спецназ МВД (ОМОНЫ, СОБРы, прочие крутышки), но не срочники. Следующее, он не объявил войну олигархам, не отменил итоги приватизации, не ведёт работу по возвращению недр в народную собственность. Мне он всё меньше и меньше нравится. Как сказали бы коммунисты – он ставленник крупного капитала, точнее, алчных правоохранителей, которые хотят стать крупным капиталом. Поэтому внешне решения выглядят патриотическими, великодержавными, а на самом деле они коммерческие в основе своей. Решение по Чечне вполне укладывается в эту логику. При этом как-то всё непродуманно, без подготовки и неосновательно. Чувствуется, нет детального и, что называется, «до руды» расчёта, многовариантного, минимум на полвека вперед. Всё тяп-ляп. А если он принял решение захватить Чечню, надо было делать это руками самих чеченцев, начать открыто формировать среди них ополчение, прямо на территории равнинной Чечни, когда туда мы вошли. Тогда бы эта война уже не выглядела как русско-чеченская. И самое, может быть, главное в этом, по моему, – нет никакой продуманной политики в отношении

исламского Кавказа России. Такое впечатление, что заискивают и заигрывают, восхваляют ислам и выделяют национальную гордыню народов Кавказа. Но в отношении русского народа таких слов не услышишь. В целом какое-то советское, коммунистическое повторение, только сменили пролетарский интернационализм на просто интернационализм, или, как его называют в западной Европе, мультикультурализм. Тоже бред сивой кобылы, конечно. И их не обошло зловоние коммунизма.

– Понятно. Насчёт штурма города пехотой... А ты знаешь, что многие спецподразделения МВД отказывались? Не знаешь? Ну, знай. Это его решение – вынужденная мера. Другое дело, что ментам это сошло с рук. Так что не такой уж он и крутой. Напоказ больше. Короче, обосрались менты, поэтому Грозный штурмовали войска, срочники. А ты обратил внимание, что он вернул государственному гимну музыку гимна СССР?

– Обратил. Мне это не нравится.

– Это глубоко символично. Путин явно мечтает о восстановлении России в границах бывшего СССР.

– Не может быть!?

– Может. И придётся нам с тобой повоевать за эти цели неоднократно. Каждому на своём фронте.

– Ты что, обалдел? А Россией заняться у него нет желания?

– Точно тебе говорю. Прежде всего его интересует Бело-

руссия. Я думаю, он её считает лёгкой добычей. Ждёт время, когда её можно будет хапнуть. Потом, конечно, северный Казахстан.

– А дальше? Неужели пойдёт в эти мрачные Грузии, Туркмении и Киргизии?

– Не знаю. Туда – вряд ли. Просто захочет их иметь вас-салами, но не отвечать. Другое дело Украина.

– Одесса, Крым, Днепропетровск, Донецк, Харьков и так далее.

– Именно. Но не только и не столько Украина. Ему не нравится, что истоки Иртыша находятся на территории какого-то другого государства с окончанием в названии «стан», это я для примера. Западная наша граница – крайне неустойчивое понятие. Посмотри историю. Всё время меняется, очень подвижна. Линия Керзона, помнишь такое?

– Название только помню. Суть не помню.

– Короче, по линии Керзона Белоруссия, большая её часть – наша, большая часть Украины – тоже, исключая Львов и окрестности.

– И что ты думаешь, демократы ему позволят?

– Ты что, дурак, что ли? Кто их спрашивать будет? Они скоро все закроют рот и будут делать, что им говорят.

– Это как?

– Вся моя контора воспарила духом, когда пришёл Путин. Там все, кто занимает должности от замначальника отдела и выше, только и думают, как восстановить империю. Совет-

скую империю. Они мыслят в других категориях. Для них президент бывшей советской республики кто? Знаешь, как они говорят? Да кто он такой, этот президент? Да у нас на него знаешь сколько? Вот так!

– Но там же в этих республиках появились олигархи и прочие делаши, они-то не дадут.

– Это проблема. Но все уверены, что как только ты на своих танках туда войдёшь, то народ будет тебя цветами осыпать. А за вами мы аккуратненько подтянемся, там наша агентура, и всех, кого надо, в оборот возьмём в один счёт.

– Игорь, я давно такого не слышал. Танки в другие страны. Для них «танки» обладают какими-то магическими свойствами? Я думал, что это ушло навсегда! Чувь какая-то! Просто не верится! Зачем? Зачем нам эта Украина?! Ну ладно, Южная Сибирь, ну ладно, Белоруссия. А Украина-то зачем!?

– Я с тобой согласен. Теперь понимаешь, почему у меня в конторе нет друзей? Это я с тобой вот так честно. А там у меня на столе стоит бюст этой мрази Дзержинского, и я первый тосты поднимаю за восстановление СССР.

– Как ты так живёшь? В семье как в тылу врага. На службе, как в тылу врага. Ты сам собой бываешь?

– Ты немного неправ. На службе я только в личных отношениях как в тылу врага, а в том, что касается моих прямых обязанностей, то есть службы, всё нормально. Я убеждён, что воюю за Россию с терроризмом, и не работаю над проблемой

захвата территорий. Я делаю важное дело, чрезвычайно интересное для меня. Я полностью отдаюсь службе на службе, а тосты и бюстики можно потерпеть. Можно потерпеть ради этого дела даже то, что меня с гордостью называют чекистом.

– Ну хорошо, что хоть так.

– Это моё спасение. Я у себя в конторе та самая пехота, без которой никуда, и на которую самая большая нагрузка. Зато если что-то пропустим, все камни в нас полетят.

– Пропустишь?

– Обязательно что-то пропустим. У нас целые направления совершенно не обеспечены. То есть мы совершенно не знаем, чем они живут и что задумали. Вот так.

– Выходит, что сейчас вы, ФСБ, на переднем крае.

– Да. И это надолго. И не только на переднем крае, но и над всеми вами. Мы – это власть, реальная и действительная.

Помолчали. Выпили. Закусили слегка. Игорь закурил.

– Где жить будешь, если из семьи уйдёшь?

– Ну, если они меня отпустят с ничем, сниму квартиру.

– В Москве дорого. Может, мне тебе свою отдать пожить?

– Нет. Мне контора оплатит. Да и денежное довольствие у меня в разы выше, чем у тебя, снять денег хватит. Я тебе серьёзно говорю, нам сейчас начали платить так, что о всяких делишках можно и не думать, созданы все условия, чтобы мы только службой жили. И полномочий хватает, и всего хватает, кроме хорошей агентуры. А совет ты мне правильный дал. Надо всё поставить на свои места. Хватит. Завтра

поговорю с супругой. Решено.

Оставшийся вечер прошёл весело. Мы много вспоминали, смеялись. Отдохнули душой.

Глава 2

Россия. Москва. Май 2007 года. Главное оперативное управление Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (ГОУ).

Прокомандовать мотострелковым полком с местом постоянной дислокации в одном из гарнизонов Забайкалья мне пришлось чуть больше четырёх лет. Потом почти два года был начальником штаба танковой дивизии. Командовать полком было тяжело, иной раз просто невыносимо и до крайности неинтересно. Бесконечная борьба с личным составом проходила по краю «снятия с должности» или, в лучшем случае, «предупреждения о неполном служебном соответствии», соккрытие всего, чего только можно, плюс бескрайняя показуха. Никуда не денешься, если ты в такой системе координат служишь. Я был далеко не исключением. С помощью тестя Игоря перевёлся служить в Генштаб, тем более я считался обеспеченным жилой площадью, не претендовал на квартиру от своего министерства, а это для моего послужного списка и образования означало не менее пятидесяти процентов успеха в деле перевода. Надо отметить, что мой довольно большой боевой опыт для назначения в ГОУ не имел никакого значения.

Конечно, неискушённого читателя это обстоятельство может обескуражить. Но ничего удивительного здесь нет, ведь

у меня был опыт общевойсковового командира в тактическом звене, а ГОУ – это основной орган военного управления Генштаба, органа стратегического планирования, где требовались конкретные и прежде всего теоретические знания оперативного и стратегического уровня. Знания оперативного уровня я получил в Общевойсковой академии. Конкретные теоретические знания стратегического уровня можно получить только в академии Генерального штаба, которую я не оканчивал, но возможность туда поступить у меня появилась. Впрочем, тесть Игоря обещал мне помочь в этом вопросе, но уже в 2008 году, если сам захочу, и при условии, что есть конкретная цель двигаться вперёд, очень высоко. Для нынешней моей должности вполне хватало того, что я окончил Общевойсковую академию, то есть получил высшее военное образование, ведь моё Омское ВОКУ, как и остальные военные училища, давали высшее гражданское (в моём случае – инженер), но среднее военное образование.

А такой критерий, как отсутствие претензий на получение жилья от Минобороны, меня по-настоящему возмутил. Получается, если ты неумный человек, но у тебя есть квартира, то будешь служить в Генштабе, а если ты умный и нет квартиры, то ни за что в Генштабе служить не будешь. В данном случае эти неписанные правила сыграли мне на руку. Правда, сослуживцы объяснили, что наличие такого критерия – временная мера, введённая недавно, так как очередь на жильё в ГОУ была огромная и почти не двигалась; министерство

почти не закупало жильё для своих офицеров; в Москве это стоило больших денег, которые Путин не выделял.

В 2004 году мы развелись с Аллой. Не выдержала наша семья испытания разлукой. У Аллы появился новый возлюбленный, деловой человек, хорошо обеспеченный и надёжный. Я тоже не прошёл эти испытания безупречно, в чём и признался Алле, правда, после её признания. Смалодушничал, и мне было стыдно за это. Но мы, по крайней мере, не врали друг другу. Разошлись, как сейчас говорят, цивилизованно. Её отец выкупил у меня долю в бизнесе. Всё прошло в высшей степени солидно и порядочно. Вырученные деньги я положил на долларовый счёт в один из известных банков.

По приезду в Москву в марте 2007 года я продал обе однокомнатных квартиры, купил одну готовую, большой площади, уже отделанную и готовую к проживанию – в превосходном доме делового класса, с прекрасным видом и восхитительной лесопарковой зоной рядом. Оставалось только приобрести мебель (за исключением кухни) и всё, что необходимо для быта нормальному человеку. Этим и занимался.

Часть денег решил вложить в две строящиеся на территории Москвы относительно небольшие квартиры, типа однокомнатных, с отдельной спальней, вычитал, что именно они будут хорошо сдаваться внаём после постройки. Для этого их и купил. Запас денег от продажи доли в деле, на счету остался более чем солидный, но я не планировал его растрачивать, надеясь в будущем сдавать купленные квартиры. Ведь денег

от их сдачи внаём, по моим подсчётам, должно было хватать на всё, что захочу.

Служба в Генштабе в этот период начала меняться, ведь министром обороны страны стал Анатолий Сердюков. Это назначение не вызвало у меня и сослуживцев удивления, мы что-то в таком духе ожидали. Да, понимали, что это «про военную экономику, про деньги», понимали, в что в этом вопросе давным-давно пора наводить порядок. Понимали, что на фоне рыночной, свободной, олигархической и бандитской экономики советская военная экономика совершенно непригодна, отчего весь военный экономический потенциал неминуемо приходил в упадок, а военный бюджет бесхитростно разворовывался или распылялся. И кроме коррупции надо было решать вопрос перестройки работы всех военных и околвоенных предприятий и организаций, что приводило к необходимости изменения системы технического, тылового снабжения войск, и меняло почти всё.

Наш генералитет воспринял Сердюкова буквально в штыки. Многие из них восхваляли советское прошлое, советскую систему, которая позволяла им наживаться бессовестным образом, и под её прикрытием они пытались оставить себе возможность хищений и коррупции. Невооружённым глазом было видно, что многие офицеры и генералы главных и центральных управлений министерства, их аналогов в главных командованиях Видов Вооружённых сил и родов войск полностью переродились.

Иные всячески демонстрировали бескрайние возможности, способность «прорешать» любой вопрос. Особенно это было видно по органам строительства и расквартирования войск, и по тыловым органам. Но выше их стояли почти все начальники главных и центральных управлений министерства (не путать с Генштабом), командующие Видами ВС РФ и родами войск, которые были фактически распределителями бюджетных средств, со своими начальниками финансовых органов. Возглавляло это преступное воровское дело советского образца Главное управление военного бюджета и финансирования (ГУВБиФ), которое искусственно создавало дефицит бюджетных средств, это приводило к тому, что предприятия промышленности получали деньги с большим опозданием и неравномерно. А это вело к проблемам для предприятий, работающих с ними в кооперации, и так далее. В такой ситуации руководители предприятий несли откаты заказывающим управлениям, те несли откаты в ГУВБиФ, а там...

Доподлинно мне неизвестно, как там дальше было, но не видеть эту всю воровскую шайку было невозможно. Причём относительно недавно был приговорён к лишению свободы начальник этого ГУВБиФ, генерал-полковник, украинец, который самым бесстыдным образом воровал деньги у России с помощью схем, связанных с Украиной, при партнёрстве со знаменитой симпатичной украинской женщиной-политиком. Но это посадка ничего не решила, просто ему на смену

пришли более умные финансисты. После оглашения приговора этому вору мы часто рассуждали между собой, что офицеры-финансисты не нужны, считали это сталинским анахронизмом, когда всех хотят облачить в форму с погонами и подчинить показной дисциплине. Но сам факт того, что генерал-полковником может стать финансист, вызывал ярость у настоящих служак-пахарей.

В штыки нового министра восприняли не только воры. Забеспокоились все, кто паразитировал на военной службе. Резко уволился генерал-лейтенант юстиции, возглавлявший юридическую службу, забежал генерал, который встал вместо того старика, видимо, понимая, что дни его генеральской карьеры сочтены. Начали доходить слухи о том, что засуетились генералы из аппарата министра, святая святых системы интриг министерства, где любые слова с заботой о солдате воспринимались или как пафос, или как желание прикрыть воровство, но не являлись признаком ума.

Мы, офицеры ГОУ, не восприняли сначала министра и его команду, как врагов. Напротив, надеялись, что многим уродам «прижмут хвост». Нас не тревожило, что новый министр когда-то торговал мебелью. Нас больше интересовало его налоговое прошлое, его способности контролировать расходование бюджетных средств, главным распорядителем которых и был министр обороны; именно эта функция министра самая настоящая, дающая безграничную власть. Мы в отличие от многих хорошо это понимали и надеялись на

решительные и умные действия.

В этот период начались бесконечные непрекращающиеся совещания на всевозможные темы. На совещаниях присутствовало несметное количество гражданских советников разных возрастов, много женщин (абсолютное большинство). Быстро выяснилось, что уровень квалификации у гражданских не соответствует уровню решаемых задач. Позже стало отчётливо проявляться: даже образовательный уровень их крайне низок. Проявлялось это во всём, от текстов письменных докладов, на которых министр ставил резолюцию «Согласен» или «Разобраться и доложить», и тому подобных, до разговорного русского языка. Зачастую их речь была плохо развита, в ней то и дело проскакивали слова: «регион», «кейс», «прозрачность», «офигенно», «супер», «волатильность», «ревалентность» и так далее. Стоило попробовать уточнить, например, конкретные географические границы «региона» и тут же выяснялось полное незнание элементарной географии, незнание административного устройства страны. Иной раз мы в ГОУ возмущались, когда под словосочетанием «центральная Россия» назывались Смоленск, Брянск, Рязань. Для ГОУ эти города всегда считались западом России. Даже в таких вопросах было полное непонимание.

Или, например, попытки узнать, чем конкретно наполнен этот самый «кейс», вызывали буквально возмущение и враждебное отношение к офицерам. Потому что употребление

этого слова прикрывало незнание сути дела, конкретного содержания, позволяло без конкретных знаний рассуждать о том, в чём люди ничего не понимали. А наши вопросы они считали придирками.

Можно было услышать много раз слово «ревалентность» – при неустановленных критериях сравнения. Создавалось впечатление, что эти люди употребляли слова, не понимая их значимости, или вкладывали в них какой-то свой смысл. Надо было создавать словарь терминов, чтобы такие разные русские люди начали понимать друг друга.

Наличие резолюции министра «Согласен» на докладе, где определяющим было слово «мониторинг» и его производные, нами трактовалось как действия, исключаящие любые мыслительные операции. И для их совершения мы разворачивали гражданских вояк докладывать своему министру и получать разрешение на то, что они на самом деле хотели, но написали по-другому. Короче говоря – «мониторить». От задаваемых ими вопросов иной раз у меня появлялся страх за свою страну. А надо сказать, что вопросов в то время появлялось у них просто несметное количество, и если в начале начальник направления назначил меня контактным лицом, чтобы избавиться самому от этих крайне назойливых и примитивных гражданских государственных служащих, то со временем они привычно лезли ко мне «проконсультироваться» без всякой меры, напрямую.

Надо отметить, что их интересы касались прежде всего

подразделений министерства, то есть самого центрального аппарата, и в деятельность Вооружённых сил, которыми и руководит это министерство, они не встречали, не понимали, что это взаимосвязано. Более того, все они без исключения между понятиями «Вооружённые силы Российской Федерации – ВС РФ сокращённо» и «Министерство обороны Российской Федерации – МО РФ сокращённо», ставили знак равенства. То есть не понимали, что министерство – всего лишь орган военного управления ВС РФ. Приходилось буквально самым примитивным образом объяснять:

– МО РФ – это несколько тысяч человек, а ВС РФ – это более миллиона человек.

Только такое крайне примитивное разъяснение включало их мозг. А ведь приходилось объяснять, чем от этих ВС РФ отличается такие понятия как «военная организация страны», что такое «Генеральный штаб Вооружённых сил Российской Федерации», чем и как он управляет. Было невероятно тяжело. Спасло только то, что в дела Генштаба они не лезли, на этот счёт было «табу», да и в Генштабе не было денег или какой-либо «интересной» недвижимости, и вообще никаких материально-технических возможностей. Поэтому очень быстро со стороны этих госслужащих по отношению к офицерам Генштаба начало проявляться некоторое высокомерие и даже усмешки типа: «да что вы там понимаете – нищетоходы». А иной раз за спиной их знаменитое бабское «Ха-ха!». Именно бабское, не путать с женским. Поведение

дворовых пэтэушниц. Да именно так они себя вели, понимая своё властное и денежное превосходство, что делало наше положение более тяжёлым с моральной точки зрения.

Как-то на одном из совещаний возник вопрос о том, что картографическая фабрика Военно-топографического управления Генштаба, расположенная в Москве, в районе метро станция «Полянка», занимает совершенно не по делу (в их понимании) хорошее здание в дорогом месте, а расположенное в нём полиграфическое оборудование – устаревшая рухлядь времён ГДР. На что один из генералов Военно-топографического управления Генштаба возразил:

– Сначала постройте самое современное и передовое предприятие вместо этой «рухляди», в таком месте, чтобы Генштаб мог иметь к нему быстрый доступ, а потом забирайте это здание. Это здание по указанию Сталина было предоставлено на выбор тогдашнему начальнику Генштаба Борису Михайловичу Шапошникову, он его выбрал, и Сталин это утвердил перед самой войной. Это место до сих пор вполне устраивает Генштаб.

Такая реплика генерала вызвала обвинения в том, что он совершенно ничего не понимает и противодействует «военной реформе». Генерал раскраснелся и вот-вот в дело чуть было не пошли командирские словечки. Едва его удержали.

Никто из военных не захотел продолжать спорить, понимая бессмысленность этого. Напротив, мы были единодушны в том, что отвечать надо, только если зададут конкретный

вопрос.

Дела у советников со своим министром продвигались быстро. Утром одного из дней мы вдруг узнали, что Главное военно-медицинское управление МО РФ приказом министра выводится из подчинения Начальника Тыла ВС РФ, и подчиняться будет непосредственно министру. Когда мы увидели подписанный министром приказ, нам объяснили, что это управление первым пойдёт «под раздачу», а всех военных медиков, сначала в этом управлении, а потом и в войсках, на флотах ждёт тотальное «распогонивание». Под этим термином подразумевалось, что военные медики станут гражданскими.

Как это возможно?! Ведь любой командир, любой офицер понимает, что военно-медицинская служба – это составная часть неделимой системы тыла. Что Тыл Вооружённых Сил – это не только про поесть и одеть армию, что в него по делу входят воинские перевозки, железнодорожные войска, автодорожные части, системы хранения (включая медицинские), госпитали с системой их снабжения и обеспечения, всё что касается ГСМ, включая сложное и опасное ракетное топливо и горючее. Но взгляды военных и гражданских были просто несопоставимы. Мы рассуждали в категориях войны, в категориях единой функционирующей системы. Взгляды гражданских были нам непонятны, так как это объяснялось желанием сэкономить на денежном довольствии и будущем пенсионном обеспечении. Стоило кому-то хоть что-то высказать

на эту тему, как он получал снисходительный ответ, говорящий, что умные решения тяжело понять. В общем, всем видом демонстрировали, что нам не понять. Одним словом, «сапоги» мы, хотя, конечно, они не осмеливались произнести это нам в глаза.

На первом же утреннем совещании с крайне деятельными и высокомерными чинушами я попробовал выяснить как они представляют работу военно-медицинской службы, в которой нет военнослужащих. Хотя бы «в осях», просил разъяснить.

В ответ услышали крайне резкий ответ одной советницы министра, что решение принято, и она предлагает сосредоточиться на его выполнении.

Слова абсолютно безмозглой и плохо образованной женщины мы восприняли как должное. Не выдержал только я и спросил:

– А военных прокуроров сделать гражданскими нет желания?

– А зачем? – спросила меня эта женщина.

– Если сделать военных прокуроров и военных судей гражданскими, армия не страдает. Толку от них всё равно нет никакого. А решение сделать медиков гражданскими может привести к плачевному результату.

– Не поняла. Поясните, пожалуйста, товарищ полковник.

– Задача военных прокуроров – укрепление законности и правопорядка в войсках. На это они не имеют никакого вли-

нения, этим и не занимаются. Не верите мне – спросите любого командира полка. Это если коротко. Другое дело медицины. Как командир полка будет отдавать приказ, например, на марш гражданскому командиру медицинской роты? Или как сам командир этой роты отдаст приказ санитару вытаскивать из-под огня противника раненых, если этот санитар – гражданский? А как в мотострелковой роте санинструктор будет гражданским? Это я вам ради примеров, «на подумать».

– Опять не понял. А как гражданские медики спасают? Как? У них есть клятва Гиппократ.

– Во-первых, по-моему, нет у них такой клятвы. Во-вторых, должна быть обязательная военная присяга, которая делает гражданского человека военнослужащим, делает его ответственным за воинские преступления по уголовному кодексу. В этом всё дело. Гражданский врач не несёт ни уголовную, ни дисциплинарную ответственность за воинские преступления и нарушения, потому что он не военнослужащий. Всё просто. Это вам объяснит каждый курсант первого курса любого военного училища. Курсантам это ещё перед присягой объясняют. В этом и есть её смысл.

– Вы сами себе противоречите. То вы говорите, что прокуроров надо сделать гражданскими, то говорите, что надо, чтобы все отвечали за воинские преступления. А кто тогда дознание проводить будет? – немного с издёвкой заявила женщина.

– В армии командир воинской части является органом до-

знания. Командир, единоначальник. Прокуратура следствие ведёт по возбуждённому уголовному делу, да надзирает за всем, чем можно, своеобразно как-то. Но это отдельный разговор. Я не понимаю, как в строю будет стоять командир медицинской роты с оружием, в каске, в бронежилете, с радиостанцией, с полевой сумкой, в которой карта командира медико-санитарной роты, с отработанной обстановкой, включая сведения о противнике и прочее. Флажки для управления, ракетница, в конце концов, и всё это – поверх гражданского костюма или фрака. Без пресловутых «погон». Как это работать будет? У меня в голове не укладывается.

– А вы подумайте, включите воображение.

В этот момент я находился в несколько возбуждённом состоянии и решил не отмалчиваться. В конце концов, я человек обеспеченный, в отличие от большинства сослуживцев, и если что-то пойдёт не так, могу легко уволиться. Да пропади всё пропадом!

– Мне не нужно включать воображение. Я хорошо понимаю, что из себя представляет медико-санитарный батальон общевойсковой дивизии в мирное и военное время

– Я вас понял. Зайдёте ко мне к тринадцати часам. У кого есть вопросы?

Вопросов не было. Совещание закончилось. Только вернулся в кабинет, как меня вызвал начальник управления. Там же присутствовал начальник моего направления.

– Зачем вы на рожон лезете? Вы видите, что это со-

всем безмозглая дура? – начал начальник управления, генерал-лейтенант, который не посещал совещание, но ему уже пожаловались.

– Вижу, что полная дура. Но мы-то с вами – преданные делу люди. Зачем молчать? Для чего? Для того, чтобы они здесь дел наворотили?

– Не связывайтесь с ней. Это мой вам добрый совет. И главное, зачем было на Главную военную прокуратуру наезжать? – обратился он к моему начальнику направления.

– Не знаю, чего это Тимофеева понесло. Надо обрезать его общение с этими советниками.

– Надо. А то сейчас дойдёт до ГВП, что ГОУ ГШ предлагает прокуратуру «распогонить».

– Но это же было моё частное мнение, – возразил я.

– Частное. Не знаете вы ещё службы в Генштабе. Здесь нет и не может быть частного мнения. Хотя плевать. Я тоже так думаю. Но вам советую быть поосторожней, а то ведь дура-то она дура, но возможностей у неё столько, что уволит полковника и глазом не моргнёт. Доложит министру, и делу конец. А у него власти как у дурака махорки. Да что там полковника, генерал-полковников в два счёта увольняет Президент. Имейте это в виду.

– Товарищ генерал, я не боюсь. Совершенно. Ничего меня не держит, кроме любви к армии. Ни квартирный вопрос, ни денежный. Пусть увольняют. Как хотят. Но молчать мне совсем не хочется. Я так быстрее рапорт напишу. Будь что

будет.

– Осторожность вам не помешает.

– Меня ещё отец так учил: делай, что должно, и будь что будет.

В назначенное время я был у нужного кабинета. Пришлось долго ждать. Почти два часа. Я заподозрил, что это было специально. Что ожидание должно было показать её власть или моё место. Это тоже многое говорит о человеке, в любом случае интеллигентной её точно не назовёшь.

Вошёл. Женщина с ярко-красным маникюром ела из тарелки клубнику. Почти не поднимая глаз, предложила присесть.

Я же, видя её ярко накрашенные жующие губы, растерялся.

Эта мразь сидит перед полковником и жрёт.

Мысль меня буквально обожгла. Сердце начало биться быстрее. Я почувствовал, как на меня накатывает волна ярости. Она так специально себя ведёт? Хочет меня довести, понимая, что мне это ужасно унизительно? Или передо мной конченное быдло? Непонятно. Еле сдерживая внезапно затруднившееся дыхание, я произнёс:

– Позвоните мне, когда закончите приём пищи. Я зайду.

– А вы мне не мешаете. Присаживайтесь, пожалуйста.

Сказать? Или развернуться и уйти? Но это же унизительно. Ладно, проявим сдержанность и такт.

– Неприлично есть клубнику и разговаривать с челове-

ком. Более того, поступать так перед полковником армии – это унижать офицера и в целом армию.

– Что здесь такого? Я просто проголодалась. Работаю даже без обеда.

– Вы не поняли меня?

– Я вам ответила, что просто проголодалась, – сказала женщина и зацепила в красные когти очередную ягоду.

Я развернулся и вышел. Дверью не хлопал. Но ярость накрыла меня всецело.

Шёл по коридорам и через переходы в полной уверенности в своей правоте. Какая низость. Как я низко пал, раз позволяю с собой такое поведение.

Ради чего я служил? Путин, что ты наделал и за что? За что ты так к русским офицерам?! За что допустил такое унижение? Ты же говорил, что именно мы отстаивали территориальную целостность России, как ты сам её понимал!

В таком состоянии я залетел в кабинет, мой сосед и начальник группы, капитан первого ранга (полковник по-сухопутному) Морозов Андрей Иванович внимательно посмотрел на меня и испуганно спросил:

– Что случилось? Что с тобой?

Этот бывалый морской волк, прошедший на атомных подводных крейсерах все возможные должности, прослуживший только командиром ракетного крейсера семь лет, был человеком не только сдержанным и опытным, но несколько флегматичным в вопросах нынешней должности. После мо-

его короткого пересказа он сказал:

– Это ты ещё мягко поступил. Очень уж интеллигентно. Я бы послал её нах.

– Вы же ещё квартиру не получили.

– Ну и чёрт с ним! Без квартиры тоже не уволят. Не имеют права.

После этих слов он встал, достал из шкафа примерно полбутылки дешёвого коньяка, две рюмки. Поставил их на мой стол и на маленькой доске начал нарезать лимон. На мой несогласный взгляд сказал:

– Надо. Первый раз вижу, чтобы офицер от блядей возвращался с таким настроением. Обычно весёлые и расслабленные приходят. А тут такое.

Невинная офицерская шутка. Но мы от всей души рассмеялись и долго не могли остановиться.

Выпить не успели. В кабинет ворвался мой начальник направления.

– Юрий Геннадиевич, вы что там натворили?

– Ничего.

– Вас начальник ГОУ вызывает, давайте бегом. Вы что, уже накатили?

– Не успели. Хотя надо бы, – ответил Морозов.

– Всё потом. Сейчас там такое будет, даже подумать страшно. Так что там случилось?

Морозов вкратце рассказал о случившемся.

– Приехали, – обречённо и задумчиво произнёс мой на-

чальник направления.

С начальником ГОУ я был знаком поверхностно. Отношения между офицерами были в Генштабе, как мне казалось, идеальными, основанными на взаимном уважении, профессионализме, а отношения между командованием ГОУ и остальными офицерами были строго официальными, деловыми. Это мне очень нравилось.

В разговоре приняли участие два генерала (начальник ГОУ и мой начальник управления) и два полковника (мой начальник направления и я).

Начальник ГОУ не стал разыгрывать интригу и спокойно сообщил всё, что ему передал один из советников министра (видимо, считавшийся у них авторитетом или старшим), это был уже пожилой и отставной генерал от бывшего КГБ СССР (если у них бывают бывшие). Я слегка удивился тому, что в целом, всё выглядело даже правдиво, но без одной детали. Отсутствие этой детали делало из меня какого-то незаурядно нервного человека. По всем присутствующим я понял, что окунаться в эту ситуацию никто не желал.

Повисла небольшая пауза, которую я взял умышленно. Мне хотелось, чтобы мои слова прозвучали твёрдо, не скачиваясь в оправдания, и чтобы все поняли, что произошедшее имеет для меня значение, прежде всего моральное.

– Всё так и есть. Одна деталь осталась вам неизвестной.

Я опять взял паузу, примерно 3–4 секунды.

– Эта женщина не сказала, что при этом она поела клуб-

нику. Вот так, просто сидит перед полковником и жрёт клубнику. Я такого терпеть не стану и впредь.

Я высказался с предельной твёрдостью, с интонацией, не терпящей возражений.

Генералы переглянулись, скривились.

– Вы правильно поступили. На вашем месте я бы сделал то же самое. Мы офицеры, офицеры Генерального штаба, и им здесь не налоговая служба. Я поговорю с кем надо, такое свинство нельзя допускать.

После возвращения в кабинет состоялась вторая попытка выпить с Морозовым по стопочке.

Не вышло. Зазвонил телефон, и та женщина попросила меня зайти, о чём я доложил начальнику направления. Он высказался, что напрасно меня назначили контактным лицом. Все понимали, что назначили меня как самого неопытного и ненужного, к тому же новенького. Просто никто тогда не знал, как это будет работать. Но переиначивать возможности не было.

На сей раз я шёл очень не спеша. Решил, пусть она подождёт.

Вошёл сразу. Предложила присесть, предложила чай, когда какая-то молоденькая дамочка его принесла. Я отказался. Молчал. Преобразилась, теперь это сама любезность. Понятно, какой язык вы уважаете, мадам. Смотрел на эту недалёкую женщину и думал, почему такая «коза» оказалась на госслужбе. Оно и понятно, те, что поумнее, в бизнесе, рабо-

тают. Интересно, как она училась? Наверняка ведь троечница. Интересно узнать.

Разговор она начала с вопроса, который не имел ко мне никакого отношения, с той самой картографической фабрики. Я решил выслушать и постараться понять логику этих деятелей.

Надо признать, что почти со всем я был согласен. Особенно с тем, что печатать топографические карты нужно на современном оборудовании и по самым новым технологиям. Меня так же, как и её, не интересовало, что это оборудование скорее всего будет германским, главное, будет современным. С её слов, денег у государства достаточно. Но когда она мне сказала, что фабрика должна печатать коммерческие заказы в свободное от заказов министерства время, я решил возразить.

– А если военный заказ, срочный, неожиданный, сделает невозможным выполнение в срок коммерческого заказа?

– Ну, такого не должно быть, – спокойно ответила дама.

– Как это не должно быть?

– Но ведь такое возможно во время войны, в мирное время такого не должно быть.

– В военной науке есть понятие «угрожаемый период». Его длительность неизвестна, возможно, всего несколько дней. В это время должно быть изготовлено очень много карт для командиров и штабов всех уровней и родов войск. То есть это огромный объём работы. Делать его заранее не име-

ет смысла, так как карты должны быть актуальными.

– Но у нас есть разведка, ваше ГРУ Генштаба. Они должны предупредить о войне.

– Это ещё не известно. Тем более нас окружают такие разные страны. Это у эстонцев не может быть неожиданно, а азиатских квазигосударствах может быть всё что угодно. Грузия, например, они ведь такие скандальные по характеру, не удивлюсь, что у них президент может не знать, что он завтра начнёт войну. Неужели вам это не понятно? И вот нам надо срочно напечатать карты. А там заказ. Что делать?

– Напечатать. Но тогда предприятие должно будет оплатить штраф за срыв коммерческого заказа.

– То есть министерство, по сути дела, должно заплатить? Так?

– Нет, у предприятия есть свои деньги. Предприятие-то коммерческое.

– В смысле?

– Фабрика является ФГУПом, федеральным государственным унитарным предприятием, то есть коммерческим предприятием.

– Моя бы воля – убрал бы все эти ваши коммерческие предприятия и сделал бы просто воинские части с гражданским персоналом. Так, что бы всё там работало по приказу, по телефонограмме. И размещаться это предприятие со всеми складами должно в самом центре Москвы, в пешей доступности от Генштаба, на всякий случай.

Женщина откинулась на спинку кресла и несколько картинно, беззлобно рассмеялась, давая понять, что даже в этом отвлечённом от моей повседневной действительности вопросе у нас нет и не может быть взаимного понимания. Я же решил внести полную ясность.

– Вы вот сейчас думаете: какие же наши военные закостенелые, консервативные, тупые, не гибкие. Не перебивайте, я вас прошу! И правы будете отчасти. Всякий раз вы будете нарываться на одни и те же наши возражения: сначала постройте, а потом разрушайте. Всё потому, что у нас с вами разный подход. У нас как? У нас видение такое, что прямо завтра может начаться война. А вы думаете: ха-ха, какая война, они там с ума сошли, что ли? Но вот в новой свободной России уже прошло две кровопролитных войны например. И что характерно? Политики никогда их не планировали, всё спонтанно, всё по факту. Толком не представляли, как это всё будет. Поймите вы, что к войне надо быть готовым сегодня. Всегда. Следующее. Не должно быть в том, что подчинено министерству, никакого бизнеса, никаких делишек, никаких коммерческих предприятий. Ничего. Это всё развращает начальников, кто этим занимается. Пусть это картографическое оборудование периодически простаивает. Пусть наше государство пойдёт на невиданные (в кавычках) убытки, но меньше потеряет, чем с этим бизнесом. И последнее. Я – за реформу, причём самую радикальную. Всю службу мечтал о военной реформе. Вам повезло её делать. Я бы счёл такое

предложение за честь. Но правило должно работать неизменно: сначала создать, потом ломать.

– Допустим. Даже соглашусь с вами. Это правильно, когда есть такая возможность, сначала построить, потом сломать. А если нет такой возможности? Но часто есть только одна возможность: перестройка на ходу. Давайте возьмём другой пример. Ваша военно-транспортная авиация выполняет коммерческие рейсы по перевозке коммерческих грузов. Что в этом плохого? Заодно лётчики получают необходимый налёт часов.

– Во-первых, наша военно-транспортная авиация. Вы же госслужащая оборонного министерства теперь. Во-вторых, пусть войска возят. Сами говорите, что у государства денег достаточно. Пусть перебросят парашютно-десантный полк из Пскова на Сахалин. Полк проведёт учения, и его вернут обратно.

– То, что вы предлагаете, затратно. А тут и ваша любимая лётная подготовка и деньги можно заработать, потом их пустить на постройку жилья для офицеров.

– А в нужный момент спасательное судно вместо спасения атомного подводного крейсера в Баренцевом море будет зарабатывать деньги на съёмках фильма. Так?

– Ух, и тяжело же с вами, с военными. Вы думаете, деньги просто так на голову валятся? Деньги есть, но с ними нужно обращаться эффективно.

– Вам всё хочется, чтобы было как при совке, чтобы армия

направляла на уборку урожая десятки автомобильных батальонов, чтобы у каждого полка были планы по сбору металлолома, заготовке сена, чтобы в каждой части были свинарники. Чтобы танкеры военно-вспомогательного флота батрачили на коммерческих маршрутах. Вы этого хотите?

– Это мы-то хотим, как при совке!? Вы смеётесь! Напротив, мы хотим освободить армию от всего этого. Но всё делать надо рационально. Экономически обоснованно.

– Знаете, я вам честно скажу. Мне плевать, откуда Путин возьмёт деньги на армию. Это его война. Знаю одно: не будет денег – не будет армии, не будет армии – не будет России.

– Но вот вы мне раньше сказали, что неизвестно, чего ждать от этих азиатов. Привели в пример Грузию. Вы что, всерьёз верите, что эта зачуханная Грузия посмеет напасть на Россию?! – сказала женщина и откровенно рассмеялась мне в лицо.

Тут мне нечего было ей возразить. Действительно смешно. Вот мы и посмеялись.

Потом ещё немного поспорили, а под конец даже как-то нормально поговорили. Когда я поднялся и задвигал стул, мне показалось, она не прочь сходить со мной в ресторан. Быстро отогнал эту мысль. У этих дам уже сложилось впечатление, что полковник – это пустое место. Они видели себя на высоком уровне, что соответствовало действительности. Уже закрепилось мнение, что военные – это «зелёные человечики», такие консервативные и ограниченные люди,

отвергающие всё новое и, по их мнению, прогрессивное. Мы, в свою очередь, прозвали их биомассой за безмозглость, бесстрашие, плохую образованность и «хабалистость». Кроме того, мне неприятно и неинтересно было говорить с «взлетевшей» бесстрашной дурой. В довершение своих мыслей я увидел у неё на боковом столике диски с отечественной попсой, там же лежал раскрытый журнал о попсе с телепрограммой, кроме того, она неправильно ставила ударения в некоторых словах типа «звОнит». Но от соблазна её высмеять я удержался, с большим трудом.

На следующее утро мне сообщили, что я отстранён от общения с советниками, а эта функция отныне возложена на начальников управлений. Ну и хорошо!

Через несколько дней мне пришлось столкнуться с этой дамой ещё раз, в приёмной начальника Генштаба, которого мы часто сокращённо называли НГШ. Туда я прибыл со своим начальником управления на доклад, с документом, по которому я был «исполнителем». Его я с большим трудом и всяческими препятствиями отработывал уже долгое время, поскольку имел он несколько неординарный характер с проблематикой «космических» масштабов, что для Генштаба естественно. Этот документ был мне даже интересен, несмотря на многочисленные трудности, с которыми я столкнулся при его отработке и согласовании. Иногда это превращалось в бесконечную нервотрёпку и такие же бесконечные, но предельно предметные споры.

Дама с наглым, заносчивым и не терпящим возражений видом заявила в приёмной что она «договаривалась» о встрече и не имеет намерения ждать. Надо отметить, что далеко не каждый генерал Генштаба мог себе позволить прийти к начальнику Генштаба по какому-либо вопросу, без вызова. Да и вообще, это должностное лицо хоть и формально непосредственно подчинено министру, но ещё неизвестно, кто больше общается с Президентом, особенно когда министром является гражданский человек.

Я с интересом наблюдал, чем закончится дело.

В то время должность НГШ занимал высокообразованный интеллектual с острым умом, необъятными знаниями и по-настоящему стратегическим мышлением на многие годы вперёд. Вызов на доклад к нему не был простым событием и я, как все мои сослуживцы, готовились к нему основательно. Поскольку мне сообщили о вызове накануне, в подготовке к докладу я провёл совершенно бессонную ночь. Слышал много мнений от сослуживцев, которые неоднократно бывали у него на докладах. Для многих это было настоящим испытанием, ведь разговор мог уйти в сложные вещи, на первый и даже последующий взгляд, напрямую не связанные непосредственно с обсуждаемым текстом. А у многих высказанное НГШ находило понимание только спустя несколько часов после визита, то есть после долгих раздумий и полного осмысления. Иной раз и присутствовавшие на докладе офицеры и генералы не могли толком пояснить, в чём замысел

НГШ.

Часто присутствующие на докладе собирались и высказывали мнение, кто и что понял. В этом смысле с ним было очень тяжело. Но мои сослуживцы во время визита боялись переспросить НГШ, уточнить, вызвать его неудовольствие, ведь самое страшное для офицера Генштаба – прослыть в глазах своего начальника неумным офицером или интеллектуально отсталым. И самое важное, было непонятно, где искать ответы на поставленные (даже если они правильно поняты) вопросы, ведь тут не откроешь уголовный кодекс, чтобы найти какую-то статью.

Для себя я решил твёрдо, что если не понимаю, то надо спросить. Как можно выполнить задачу, не уяснив её?! Мне рассказали, что НГШ терпелив, если вопрос посчитает умным, а если вопрос будет звучать примерно так: «Я не знаю, что делать» или «Я не понимаю», то есть не конкретно, а обобщённо, то можно получить приглашение покинуть кабинет. Этот генерал был совершенно нетерпим к проявлению тупости и необразованности, не желал тратить на таких людей драгоценное время. Вместе с тем никто и никогда не видел от него грубости или несдержанности. Это был настоящий кадровый штабист, прошедший хорошую школу, при этом разносторонний и интеллигентный. Все мы знали, что у него в авторитете были такие его предшественники, как Борис Михайлович Шапошников (бывший полковник Русской императорской армии), Александр Михайлович Ва-

силевский (бывший штабс-капитан Русской императорской армии), Алексей Иннокентьевич Антонов (поручик Русской императорской армии). Мне это говорило о многом.

Ещё во время учебы в академии я хорошо разобрался в истинных героях нашей Великой Отечественной войны. Хорошо знал, что И. Джугашвили в силу своего азиатского менталитета, необразованности и опыта гражданской войны, которую он застал в качестве члена реввоенсовета фронта (должность далёкая от военной), относился к Генштабу как к некой военной канцелярии. Знал, насколько было тяжело интеллигентному и высокообразованному Б. М. Шапошникову отстаивать свою точку зрения, объяснять, разъяснять и в конечном счёте выстраивать работу Генштаба совершенно по-новому. Только после харьковских котлов, перед неминуемо надвигающейся Сталинградской битвой Джугашвили понял, что Генштаб – основной орган стратегического планирования, что именно он руководит обороной страны, а не партийно-политические органы. Только после этого он стал меньше вмешиваться в военные вопросы, но при этом больше в них вникал. Начал внимательнее слушать и погружаться в детали, расспрашивать. К нему на доклад начали прибывать самые обычные офицеры Генштаба, такие же, как и я, которых сейчас называют «исполнитель». И это не случайно, потому что никто так глубоко с конкретной, довольно узкой проблемой не разбирался, что называется, «до руды», как я сейчас.

Потом НГШ были такие незаурядные люди как Василевский и Антонов. Именно эти генералы заложили принципы работы Генштаба, которые и сохранились до сих пор. С тех пор роль Генштаба не менялась, но у меня оставались на этот счёт какое-какие сомнения. Сама личность министра и его понимание роли Генштаба вызывали сомнения. К тому же я подозревал, что он может ревностно относиться к НГШ, так как интеллект министра заметно уступал интеллекту НГШ. Я знал, что между ними были всякие разговоры, и что по настоящему НГШ министр сейчас слушает курс лекций в академии Генштаба, проходит «ликбез».

Между тем советнице сообщили, что её примут тогда, когда НГШ сочтёт нужным, ей придется подождать или в приёмной, или у себя в кабинете, сейчас у НГШ появились более важные вопросы, время сдвинулось, так как ему неожиданно позвонил Президент.

После магического слова «президент» у женщины схлынула с лица дерзость, потом несколько возмущённый взгляд, а следом обнажилась дурь, растерянность и тупость. Если губы сначала были плотно сжаты до узенькой полоски, то впоследствии приоткрытый рот выдал её сущность, несколько похожую на героев актёра С. Крамарова.

Я не хотел сидеть, потому стоял обособленно и продолжал размышлять над сутью сложной задачки, о которой мне придётся докладывать НГШ. Мой начальник управления сидел и задумчиво перечитывал бумаги из папки, тоже готовился

к крайне сложному разговору.

У женщины всё, видимо, было в голове. Она не имела с собой папки, держала в руках толстый блокнот и пропуск, которым несколько нервно поигрывала. Талантливая. Может вот так зайти к НГШ и запросто что-то доложить. Не то что мы, «зелёные человечики».

Женщине было скучно, и она решила поговорить со мной. Но мне было совершенно не до разговоров. Я был полностью сосредоточен на вверенной мне проблематике и ответил ей:

– Извините. Я продолжаю готовиться к докладу НГШ. Давайте потом поговорим, – сказал я из вежливости.

– Да не переживайте вы так. На вас просто лица нет. Вы что, никогда не были на докладах и совещаниях у замминистров!?

– Вы просто не понимаете. НГШ – не просто замминистра. Это в нашем государстве совершенно особенное должностное лицо. Не в смысле квартир, дач и прочего, а в смысле должностной ответственности и его реального положения в системе управления государством.

– Да ладно вам! Бросьте! Я с ним уже знакома, и он совершенно не страшный человек.

– Понимаете, мне придётся докладывать кое-что, о чём прочесть негде. Сложные вещи.

– А вы что, думаете, я по какой-то ерунде к нему пойду? Я не просто так. Я должна ему донести видение министра на определённые вещи.

– Понимаю. Но у вас же всё про деньги, а НГШ это мало интересует, как я полагаю.

– Мы будем переводить все выплаты военнослужащим на банковские карты. Начнём с центрального аппарата, но ваши «восьмерики» не соглашаются, ставят палки в колёса. Вот мне и надо донести мнение министра, чтобы НГШ разобрался с вашими генералами.

– Но Восьмое управление Генштаба, наверное, объясняет свои возражения. Наверное, боится, что банковские работники получают сведения об офицерах Генштаба и министерства.

– Те, что получают, будут иметь от ФСБ соответствующий допуск к сведениям, составляющим гостайну. Да и у самого банка будет соответствующая лицензия от ФСБ. Просто не хотят что-то менять.

– И всё-таки вы понимаете, что какой-то банковский клерк, совершенно конкретный человек, получит все сведения от таких подразделений Генштаба, как ГОУ или ГРУ?

– Вопрос ответственности за сохранение гостайны это компетенция ФСБ по выданной ими банку лицензии для работы со сведениями, составляющими государственную тайну.

– Ну хорошо. Допустим. А настройки этой самой лицензии на гостайну от ФСБ, выданной банку, предусматривают сохранение именно таких специфических данных?

– Это вопрос ФСБ, я же вам говорю. Это их дело, пусть

они этим занимаются.

– Не знаю, как у вас было в налоговой, но у нас в ГОУ, прежде чем идти на доклад даже к начальнику управления, не говоря уже о начальнике ГОУ или НГШ, надо полностью подготовить материал. Начальник моего направления просто растоптал бы меня, если бы я пришёл к нему с предваритель-но не проработанным вопросом, в данном случае – не про-работанным с ФСБ. Просто представьте себе, что какой-то мальчик или девочка в банке, сидит и видит, что конкрет-ный полковник Тимофеев служит в ГОУ ГШ, или какой-то подполковник Сидоров служит в ГРУ ГШ. Не упрощайте, не надо всё переводить в плоскость, что военные – какое-то сборище законсервированных дебилов, не понимающее, что им делают лучше. А так вроде бы действительно надо пере-водить всех на современный способ расчётов. Мне трудно что-то сказать. Я бесконечно далёк от этого.

– А вы с чем к НГШ идёте?

Сам факт, что мне задали такой вопрос, поверг меня в полное недоумение. Надо сказать, что большинство доку-ментов, которые я отработывал, не было принято и часто за-прещено было обсуждать напрямую даже с моим соседом по кабинету, начальником группы. Только какие-то совсем об-щие и простые, но это была большая редкость. Иной раз я не мог ничего сообщать даже своему начальнику направления, и лишь начальник управления знал всё, что прорабатывалось в управлении. Такие правила существовали тогда в Геншта-

бе. Задавать же подобные вопросы было верхом невежества. Сначала я подумал, что, действительно, простота хуже воровства. Потом посмотрел в глаза этой женщине и ответ у меня был один: это «налоговая», этим всё сказано. Скажи спасибо, что сюда пришла нами командовать налоговая, а не тюремное ведомство, его ФСИН называют, или не МЧС какой-нибудь.

– Советую вам на будущее не задавать здесь таких вопросов. Не могу сказать.

– Ой-ой. Понимаю. Ну я так, не всё же у вас такое, прямо секретное. У нас в налоговой тоже гостайна была.

– Да, да. Понимаю. Налоговая это вам не шутки.

Женщина очень внимательно посмотрела на меня, как бы оценивая, не издеваюсь ли я над ней, но решила продолжить разговор.

– Ну что вы так переживаете? Я у себя в ФНС два-три раза в неделю ходила к замам. Думаете, у них семь пядей во лбу? Бросьте, такие же люди.

– Я вам уже говорил, что НГШ – не какой-то заместитель какого-то министра. Вы хоть понимаете, что такое в российском государстве Генштаб?

– Ой-ой. Знаю, что вы мне хотите сказать. Знаю, что в России только НГШ, министр обороны и Президент имеют так называемый ядерный чемоданчик.

– Да, и это тоже. Но не только. Вы не понимаете, что функции Генштаба простираются далеко за пределы Мино-

бороны, он в определённых случаях управляет не только Вооружёнными Силами. Проще говоря, у Генштаба межведомственные функции, обязательные для многих или почти всех государственных органов, даже для ФСБ, МВД, МЧС, ФСИН, ФСО и органов местного самоуправления. Всё спланировать, всё подготовить.

– Ха-ха! Ну вы и махнули. Ваш НГШ подчинён нашему министру, и этим всё сказано, – с гордостью за Анатолия Сердюкова заявила женщина.

– Давайте вот что сделаем. Вы, когда будет у вас время, почитайте положение о Генштабе, оно утверждено указом Президента, просто советую для понимания. Пригодится.

Мы разговаривали с ней очень тихо. Но готовившийся к докладу мой начальник управления иногда посматривал в нашу сторону, и мне было понятно, что он крайне недоволен нашим общением, хотя сам разговор не слышал. Всем своим видом, несколько демонстративно он показывал, что общаться с этой женщиной у него нет ни малейшего желания. Я замечал у него в отношении к ней напускное высокомерие, которое совершенно не проявлялось ни к подчинённым, ни к иным офицерам или генералам. Женщина это хорошо чувствовала и побаивалась его, и, следовательно, даже не пыталась с ним заговорить. Видимо, именно этого он и добивался.

Наконец объявили, что ей можно войти в кабинет НГШ. А я вздохнул с облегчением и сосредоточился на мыслях о

докладе.

Вышла она несколько озадаченная, но с видом победителя. Видимо, НГШ её поддержал в вопросах перечисления денежного довольствия военнослужащих или пообещал вникнуть в этот совершенно чуждый для него вопрос. Перед выходом из приёмной женщина подошла ко мне и тихо попросила позвонить ей после того, как я освобожусь.

Я кивнул и быстро направился в кабинет вслед за своим начальником управления.

НГШ поздоровался с нами за руку, пригласил разместиться за длинным и массивным столом. Надо отметить, что многие себе представляют по советским фильмам, что высокопоставленным генералам офицеры докладывают, исключительно приняв стойку «смирно», а подход к начальнику – с неизменным щелчком каблуков, и так далее. Не знаю, как это было раньше, может быть, действительно маршал Советского Союза Г. К. Жуков так и поступал, когда докладывал никогда и ничем не командовавшему генералиссимусу, и требовал этого от своих подчинённых, но в наше время такого не было. Да, докладывали о прибытии, но без пафоса, с соблюдением элементарных правил взаимоотношений между военнослужащими и воинского этикета. В общем, не было того, что принято называть солдафонщина.

Я знал, что у НГШ есть тот же комплект документов, что и у нас с начальником управления, и предполагал, что нас вызвали не просто так. Видимо, после ознакомления с письмен-

ными материалами и нашим докладом, у него остались вопросы. Требования были всегда неизменными: если вопрос докладывается НГШ, значит, он проработан до мельчайших подробностей. У него не проходили варианты: «юристы против», «финансисты не понимают» и тому подобное. Напротив, если он услышит, что юристы не согласны, мигом заставит всё делать в соответствии с законами, и даже вникать не будет в суть претензий юридической службы.

Вопрос касался покупки нескольких экземпляров одного образца вооружения и военной техники, в иностранном государстве, притом не из бывшего СССР. Он не производился нашей промышленностью серийно, а разработка заново началась несколько лет назад, так как те несколько отечественных образцов, что были в наличии, не отвечали современным требованиям. Уже были получены положительные результаты по научно-исследовательской работе и начата опытно-конструкторская работа, сроки выполнения которой неоднократно переносились. В самой лучшей перспективе мы могли получить отечественный опытный образец с конструкторской и технологической документацией не ранее чем через четыре года. При этом он будет сильно уступать многим лучшим зарубежным образцам, стоящим на вооружении в их армиях. С учётом реального положения дел в промышленности серийное производство в лучшем случае уходило за горизонт шести лет. А учитывая наличествующие производственные мощности, насыщение войск этой техни-

кой на оценку «удовлетворительно» можно ожидать не ранее чем через десять лет. К этому времени отечественный образец ВВТ превратится в посмешище.

Тут были вопросы, связанные как с закупкой иностранной ВВТ, так и с постановкой на вооружение в войска будущих отечественных серийных образцов, сделанных на базе иностранных. То есть закупить и не внедрить в отечественное серийное производство свою технику – это преступление. Впустую потраченные народные деньги. И если всяких делашей и приближённых к власти этим не напугать, им всё нипочём, то таких как я и мой начальник управления санкции могли коснуться реально.

В основе находился подписанный Главнокомандующим одного из Видов Вооружённых Сил документ о необходимости покупки, скорейшего внедрения в производство и постановке на вооружение. Разумеется, с этим докладом были согласны все, и я не сомневался, что у НГШ не будет вопросов на этот счёт. На столе у НГШ были разложены документы, по которым мы докладывали, и я заметил, что отдельно лежит заключение нашей военно-юридической службы (пока ещё военной). Содержание этой бумаги было мне предельно понятно. Разрешить закупить иностранный образец ВВТ может в нашем государстве только один человек. Это заключение делало решение абсолютно политическим. Здесь тоже всё было понятно. Целесообразность покупки у иностранцев тоже очевидна – срезать как минимум на три года срок по-

ставки образца ВВТ в войска, причём с более лучшими тактико-техническими данными, чем разрабатываемый отечественный вариант. Об этом уже писалось в документе, подписанным Начальником Вооружения – заместителем министра.

Однако я обратил внимание, что НГШ отдельно прямо перед собой положил два заключения, приложенных к докладу Начальника Вооружений. Значит, я попал в точку. Одно заключение Управления развития базовых военных технологий и специальных программ (УРБВТ), второе заключение Управления развития электронной компонентной базы (УРЭКБ). Именно в этих заключениях и заключалась проблема.

УРБВТ убедительно отстаивало необходимость скорейшего получения образцов ВВТ на базе иностранных и показывало, как быстро и далеко мы сможем выйти к созданию совсем иных вооружений. Но была одна сложная проблема. В любом случае отечественная промышленность не производит нужный поршневой двигатель. То есть двигатель надо будет закупать в Китае. На разработку отечественного и внедрение его в производство уйдёт не менее четырёх лет и нескольких сотен миллионов долларов.

УРЭКБ говорило о том, что вся электронная компонентная база будет импортной (азиатской, преимущественно китайской и тайваньской) Для начала производства Минобороны придётся профинансировать создание целой отрасли промышленности. И тут цена вопроса уходила в миллиарды

долларов.

В свою очередь Главное управление вооружений, опираясь на докладную записку министерства экономического развития и торговли, докладывало, что спрос со стороны российского бизнеса на нашу электронную компонентную базу будет низкий, и конкуренции она на мировом рынке не выдержит, то есть вложения никогда себя не оправдают. Тем более никогда не оправдают себя вложения в разработку поршневого двигателя, поскольку он будет в основном востребован в военной промышленности, а все платежеспособные страны, как правило, находятся вне зоны влияния России.

НГШ как-то безадресно, словно про себя, проронил фразу, что мы же не собираемся воевать одновременно со всем миром. Поссоримся с НАТО, но отношения с КНР из-за этого не испортятся, и напротив, поссоримся с КНР, страны НАТО смогут поставлять. В любом случае, абсолютно всё мы не сможем у себя производить. Не могут это сделать ни США, ни КНР, ни Евросоюз в разной степени. Над развитием отечественного производства должны думать Минэкономразвития, Минпром и правительство в целом, а не Генштаб и Минобороны. Наше дело – обеспечить войска нужным образцом вооружения, а кто это сделает, для армии вопрос второстепенный.

После этой фразы НГШ я окончательно утвердился во мнении, что надо закупать эти образцы вооружений у ино-

странцев, налаживать у себя производство того, что можем делать, закупать то, что не можем производить.

Только я начал докладывать о сути вопроса, как НГШ меня перебил и начал задавать вопросы. Стартовали с обсуждения необходимых мероприятий: от укрепления существующих военных представительств на предприятиях промышленности, на которых планировалось разместить заказ, до конкретных подразделений в полках и бригадах, системе подготовки специалистов и их количестве, техническом обеспечении и ремонте, хранении. Все расчёты были, и я их мог обосновать, опираясь на мнение иных органов военного управления. Быстро подошли к самому сложному для меня и ещё не испытанному вопросу – конкретных нормативов боевого применения в соответствии с предполагаемыми тактико-техническими характеристиками. НГШ глубоко погрузился в мои расчёты и их обоснование. Особенно во всё, что касалось обработки и передачи данных на существующих в данное время средствах связи и управления. Вот это и было самое слабое место, то самое бутылочное горлышко, которое с учётом существующего положения дел грозило перевести нужное дело в бесполезно потраченные деньги. Начальник управления часто и дельно меня дополнял, всё-таки я несколько переволновался. Я был ему благодарен за это.

Начальник управления в ходе разговора заметил:

– Всё это надо будет отрабатывать и дорабатывать после экспериментальной войсковой эксплуатации.

НГШ исподлобья резко и внимательно посмотрел на генерала. Этот его взгляд я прочитал сразу, и означал он только одно: не надо сотрясать воздух очевидными словами.

Мы разобрали расчёты по нормативам боевого применения (при этом обсудили их демократично, совсем просто, по-офицерски). Это были именно мои расчёты, основанные на многих критериях, общим числом более сорока. Но важность каждого была мной присвоена чисто субъективно, и я представил это факультативно. С другой стороны, всё подчинялось нормальной военной, инженерной логике, основанной на опыте и знаниях. Простая логика – если по первому критерию ноль, то и по второму ноль, железобетонно. То есть я ушёл от пространных объяснений и сразу обосновал факультативность и субъективность расчёта важности каждого критерия, но установил простую последовательность и взаимозависимость. Несложно и надёжно. Как меня и учили в моём ВОКУ.

Мой богатый войсковой опыт привёл к понятному упрощению и не вызвал возражений. Почему? А вот тут и проявилась значимость того, что называется опытом службы. Каждый из нас, несмотря на пропасть в занимаемых должностях, понимал всё. Пара примеров, которые я дал после своих расчётов, подвели нормальный итог. Оператор этого образца ВВТ – солдат-срочник, служит один год, вероятность, что он от звука может потерять на какое-то время самообладание, была немалой. А если тот, кто отдаёт команду на поражение

выявленных целей противника, допустим, полная противоположность этому солдату – опытнейший боевой офицер, но совершенно не привыкший смотреть в монитор, и у него этот монитор не переносится воображением на рабочую карту командира с отработанной обстановкой – тоже беда, да ещё в динамике боя. Хорошо, что не стал юлить и хитрить, видимо, эта прямота и честность понравились НГШ. Я это почувствовал. Однозначно, эти расчёты нормативов боевого применения были одной из основных причин того, что НГШ решил лично поговорить, нормально расспросить и разобраться.

Следом начал озвучивать основные параметры из заключения финансово-экономического органа, обеспечивающего государственный оборонный заказ министерства. НГШ поморщился и сказал:

– Спасибо. Не нужно. У нас есть кому деньгами заниматься и всё это перепроверять.

Сказал он это с некоторым раздражением в голосе, как мне показалось. Но я уловил точно, это не было раздражение на меня.

Ожидал, что по завершению обсуждения НГШ поставит какие-то конкретные задачи. Ведь даже в нашем докладе содержались предложения о том, какие наставления, руководства, инструкции, курсы стрельб надо готовить или менять, даже предложения о проработке вопроса внесения изменений в боевые уставы (святая святых). Нет, этого не было. Су-

хо поблагодарил, и мы с моим начальником управления вышли из кабинета НГШ.

Поздоровались в приёмной с подошедшими и ожидающими вызова генералами и офицерами, направились к себе.

Начальник управления впервые за время моей службы в Генштабе меня похвалил. А потом произнёс:

– Не всё так просто с этой покупкой. Но главная проблема очевидна – импортная электронная компонентная база, импортный двигатель и средства связи в войсковом звене, вопрос передачи данных. В вотчине зама НГШ – начальника Связи ВС РФ уже запланирована целая революция. НГШ ждёт, когда министр её запустит, снабдив огромными деньгами, там всё готово. Предварительно её запуск назначен на третий квартал 2009 года, когда Минфин начнёт в Минобороны исправно отгружать бюджет на 2009-й год. Так что к моменту поставки в войска вопрос передачи данных будет решён однозначно. Не будет уже бутылочного горлышка. Видимо, НГШ хочет лично проработать вопрос и, скорее всего, будет отрабатывать с Военно-промышленной комиссией при Правительстве, или отдаст вопрос министру с просьбой решить вопрос в ВПК, чтобы сама промышленность признала, что они могут, а что не могут. Польза нашей с тобой работы в том, что на основании нашего доклада НГШ сформировал своё мнение, а это большое дело. Скорее всего, он решил, что надо закупать, быстро осваивать производство своего и скорейшей поставки в войска, пусть и с импортными ком-

плектующими. Министр обречён на поддержку НГШ, ни за что не возьмёт на себя ответственность лишить войска перспективного образца ВВТ, ну а президент всегда поддерживает НГШ, по-другому ещё не было ни разу, кто бы там что ни говорил. Поэтому считай, что нашими с тобой усилиями вопрос решён положительно.

Я вошел в свой кабинет. Было уже почти двадцать два часа. В ГОУ никто и не думал уходить домой. Это движение начнётся не ранее чем через полчаса. Морозов начал убирать папки с секретными документами к себе в сейф.

– Ну, как сходил? Живой?

– Нормально всё получилось. Даже хорошо. Мне очень понравился НГШ, действительно умный офицер.

– А я тебе так и говорил. Поэтому предупреждал, что надо готовиться. У него просто так ничего не бывает.

– Одно плохо.

– Что?

– Он так и не высказал своё мнение. Все вопросы у него были глубокие, все вроде бы направлены на то, что надо сделать это дело. Но я не уверен, что он пришёл к тем же выводам, что и мы с начальником управления.

– У него совсем другой горизонт видения. Его знания куда обширнее, чем те материалы, которые ты приложил к своему докладу. С тем же Путиным разговаривает постоянно. Если не каждый день, то через день. И они там не новости столичных театров обсуждают. Поэтому не посчитал нужным вам

что-то говорить. Надо будет, скажет и сроки поставит совсем не гуманные. У него так: вынь, да положи.

Обычно примерно в тринадцать часов я в форме уходил на обед. Любил обедать в одиночестве, не ходил в генштабовские столовки. Да, там было значительно дешевле. Но меня стоимость мало интересовала. После того как в военторговской столовке пообедаешь, организм плохо реагирует. В генеральской кормили лучше, но мне было не по статусу. Я здесь, в Генштабе, на самой нижней должностной ступеньке. Ниже некуда. Никого здесь не удивить тем, что я был когда-то царём, богом и воинским начальником, когда командовал мотострелковым полком на окраине Российской империи, никого не удивить что я был начальником штаба могучей танковой дивизии, где только танков более трёхсот штук, почти столько же БМП, под две сотни гаубиц, РСЗО, орудий и миномётов, мощнейшая ПВО дивизии, в основе которой зенитно-ракетный полк, вооружённый ЗРК «Тор-М1» и ещё много чего.

Тяжело и крайне интересно было возглавлять штаб такого боевого бронированного кулака или, как некоторые называли, «бронированной кувалды», обладающей просто непобедимой огневой мощностью, которую можно довольно быстро перебросить в любую часть страны. А с учётом того, что дивизия всегда должна была действовать вместе с полком штурмовой авиации и вертолётным полком как минимум, да в её интересах всегда действовал тяжёлый бомбардировочный

авиаполк, плюс не меньше одного ракетного дивизиона оперативно-тактических ракет, вся эта сила выглядела настолько устрашающей, что в окружающих нас странах применение этой дивизии невозможно было представить.

Здесь, в Генштабе, почти все такие. Конечно, нелегко привыкать что ты теперь пустое место или, как здесь говорили с некоторым пренебрежением, «исполнитель». Но данная мне на время власть не извратила моей сущности, не сделала из меня разбалованного царька. Я и когда в войсках был, старался принимать пищу в одиночестве, любил подумать и поразмышлять. Но после развода с Аллой оставаться один на один с собой стало тяжело. Поэтому я опять вернулся к чтению. Разное читал, и серьёзное, по профессии. Художественную литературу, с которой было непросто, тоже читал. В основном всё новое на тему войны я считал мусором. Иногда задумывался, что надо не критику на всех наводить, мол, какие все дураки, а взять и написать самому. Но не знал, как к этому делу подступиться, и где найти время. Поэтому отложил сладостную мечту о собственном творчестве.

Приходил в ресторан, делал заказ и начинал читать. Чаше что-то из иностранной литературы, реже про нашу историю, не только про войны. Особенно меня интересовал период начала XX века и до 1941 года. Я мучился вопросом, как мы могли дойти до того, что к власти в России пришли коммунисты. Понимал, как и почему в России созрела революционная ситуация. Но вот почему дальше так пошло, почему

так поздно созрело Белое движение и так далее, не понимал. Особенно непонятна мне была роль Генштаба до и во время Февральской революции, далее между октябрьским переворотом 1917 года и до конца 1917 года. И конкретно роль генерала Алексеева Михаила Васильевича вызывала не то что вопросы, но полное непонимание. Почему генерал Алексеев не убрал из столицы мобилизованных, почему вовремя войска не применил, ведь было небольшое количество верных и обученных, почему не удержал Керенского в кресле, хотя мог?

С приходом в министерство А. Сердюкова и особенно дур из его команды эти вопросы начали меня мучить с большей силой. Я всё отчетливее видел в полоумных и плохо образованных бабах-хабалках коммунистических большевичек или нечто подобное китайским коммунистическим хунвейбинам. А сегодня я получил дополнительную пищу для размышления.

Обед я пропустил, и теперь после того, как всё хорошо прошло, мне хотелось не просто покушать, но и выпить, хотелось с кем-то понимающим поговорить. Время позднее, идти в ресторан не хотелось. Хотя я вопреки общепринятым правилам каждый день уходил примерно в половине восьмого вечера, садился в удобное место в ресторане (старался для разнообразия ходить в новые места) и не спеша ужинал, читал. Если я был нужен, меня могли легко вызвать одним звонком. Моему начальнику направления такое поведение

до крайности не нравилось, но я объяснил, что мне не только не нужна квартира от министерства, мне и на премии наплевать. Объяснил, что я продолжаю служить в армии просто по призыванию. Не думаю, что он воспринял эти слова как пафос. Напротив, наши отношения стали надёжнее и честнее. Я был исполнительным «исполнителем». Чёрт бы побрал это слово! Зато начальник группы, бывалый морской волк, мной восхищался и непременно повторял, что как только он получит квартиру, то будет поступать точно так же.

– Может, по пять капель? – отвлёк меня от мыслей Морозов.

Он знал, что я не люблю выпивать в кабинетах, и спросил это из вежливости, так как сам ездил на метро и всегда принимал перед выходом грамм сто простого напитка. Я как-то предлагал ему сходить и поужинать в ресторан, но он отказался. Объяснил полным отсутствием денег.

Морозову было уже пятьдесят, он был старше меня на десять лет. Закончил он элитное высшее военно-морское училище в городе, который тогда назывался Ленинградом. Женился на пятом курсе. На мой взгляд, это было его роковой ошибкой. Далее служба во многих гарнизонах, но всего-то на двух флотах: Северном и Тихоокеанском. Закончил Военно-морскую академию в Санкт-Петербурге. Двое детей. Со свадебной фотографии на меня смотрел бравый и подтянутый курсант пятого курса, счастливый человек. Сейчас это был задолбанный бесконечными бытовыми проблемами,

безденежьем, семьёй и внуками человек, который выглядел старше своих лет. Конечно, в ВМФ СССР он был обеспеченным человеком, рассказывал, как запросто мог себе позволить зайти и поужинать с офицерами в ресторане, не задумываясь о потраченных двадцати пяти рублях. По СССР у него была ностальгия. Сейчас, снимая квартиру в Бирюлёве-Западном, он еле-еле дотягивал до очередной выплаты. Он ни за что не хотел идти в ресторан за мой счёт, обоснованно считая это унижительным для себя. Особый отпечаток на этого человека накладывало то обстоятельство, что его супруга зарабатывала больше его, и только это позволяло им снимать квартиру, в которой проживали они с дочкой, так как сын уже имел свою семью и вполне прилично её содержал, будучи инженером-строителем.

– Давайте.

Морозов поставил на стол начатую бутылку и ловко разрезал на дольки яблоко.

– С почином тебя, Юра! Далеко не каждый офицер ГОУ ходил к НГШ, тем более так, чтобы без замечаний и последствий.

– Спасибо, Андрей Иванович!

Мы выпили и съели по долке яблока.

Морозов был очень добросовестный и надёжный офицер, добрый и отзывчивый. За время совместной службы я понял, что он имеет огромный багаж военных знаний, иной раз энциклопедических. Помнил до мельчайших подробно-

стей все тактико-технические данные кораблей ВМФ России и многих снятых с вооружения кораблей ВМФ СССР. Но его «коронкой» были флота иностранных государств, особенно стран НАТО и ВМС США. Я даже думал, что он бесконечно завидует офицерам ВМС США, точнее, их возможности служить на таких разных и многочисленных кораблях. Он безупречно владел всем, что касалось подводного флота России и США, мне казалось, что это было увлечением всей его жизни. Он прекрасно ориентировался в теме общего баланса стратегических ядерных сил всех стран мира, в трёх её составляющих: сухопутной, морской, воздушной. И ещё, я уже убедился, что он имел превосходное инженерное образование, закреплённое огромной практикой. В общем, Морозов был настоящей рабочей лошадкой могучего организма под названием Генштаб.

– У тебя хоть есть кто-то? – аккуратно поинтересовался Морозов.

Он знал, что у меня была семья, что я развёлся и что у меня есть квартира в Москве, знал, что я служил в Карабахе и прошёл две чеченские войны. Он видел, разумеется, мою впечатляющую наградную колодку с государственными наградами (ведомственные и всякие юбилейные я туда принципиально не включал), хотя китель мы практически не носили, но он висел в шкафу. Правда, никаких подробностей он не знал.

– Нет. И желания никакого нет.

– Что так?

– Не знаю, что ответить. Мне надо, чтобы человек был хороший, интересный, чтобы меня к нему тянуло, красивый, конечно. Где такого возьмёшь? Ровесницы уже замужем побывали, некоторые даже неоднократно, тем более с детьми. Для меня это неприемлемо. Б/у мне не надо. Молодые какие-то дуры попадают, не интересно вообще. Да и где познакомиться с человеком, к которому у меня высокие требования? С кем я общаюсь? В клубы всякие я не пойду. Был один раз. Категорически не моё. Да и разве нормальная женщина в эту вакханалию с наркоманской музыкой пойдёт? Поэтому один.

– Понятно. А почему развёлся, как так вышло? Если не секрет.

– Не секрет. Тут всё просто. Женился на москвичке перед самой академией. Но в Забайкалье она со мной не поехала. Ну что это за семья? Какая семья устоит? Вот и распалась. Она грешница, и я тоже грешник. Не стали кривляться, врать, изворачиваться. В этом смысле моя бывшая порядочный человек. Нормально всё решили и решаем, созваниваемся, по-человечески как-то.

– А почему она за тобой не поехала? Как я понимаю, в Забайкалье ты командиром полка поехал. В смысле быта у командира полка там всё нормально. Да и должность-то сильная, положение и всё такое, наверное, даже начальником гарнизона там был?

– Да. Начальником гарнизона был командир полка, и бытовые условия были вполне сносные у всего полка, тем более у меня лично. Путин начал многое делать, и деньги стали платить и поднимать немного. Да и в целом не сказать, что было невыносимо. Тяжело было, но начало улучшаться. Но не в этом дело. Не поехала, потому что не хотела терять свою работу, соответственно, квалификацию, не хотела уезжать из Москвы вообще. Подумала, что важнее. И ответила себе, что всё это важнее, чем я. Не любила она меня. Была влюблённость, но не более. Не корю её за это. У меня к ней вообще особых чувств не было. Так, красивая, умная. Она это чувствовала, так мне и сказала. А я не отрицал, потому что это правда. С дочерью общаюсь иногда, в этом плане всё тоже хорошо. Да и так, если не дай бог что-то у неё или у меня случится, и понадобится помощь, мы без всяких проблем придём на помощь друг другу.

– Вот моложе ты меня всего на десять лет, а всё у вас по-другому.

– Лучше или хуже?

– Что-то лучше, что-то хуже. Попробуй, разведись командир корабля в советское время! А если бы раньше, то командиром корабля не стал бы совсем. По парткомам бы затащали, в советские-то времена! Поэтому офицеры многое терпели. Семьями не разбрасывались. Как-то крепче всё было.

– Что же, лучше было терпеть нелюбимого человека?

– Да где там эта любовь лет так через десять? Но дети!

Понимаешь?! Дети! Как их бросишь? Это у вас как-то легко. Моё поколение по-другому всё воспринимало. А может, ты и прав. Может, сейчас даже лучше в этом плане.

– Если вовремя не разбежаться, то это может в ненависть перерасти. Жить с человеком, который раздражает, даже хуже, чем развод. Вон считаешь газету, а там и поножовщина, и топоры. Какая там любовь? Ну как можно ударить мать своих детей?! Тут одно: уйти и не возвращаться.

Морозов тяжело вздохнул и о чём-то глубоко задумался, разлил ещё по рюмочке.

Выпили. Закусили.

– А квартиру в Москве как получил?

– Не получал я ничего от государства. Так, деньги были, и сам ещё в девяностые купил.

– Это же где ты такие деньги взял? Извиняюсь за вопрос, конечно.

– Родители дали. У них получилось нормально в девяностые зарабатывать. Ничего страшного, нормальный вопрос.

– Это здорово. Квартира – это уже независимость. Вот смотрю я, как ты почти нормально со службы уходишь, и завидую тебе. Вижу, как все недовольны, особенно начальник нашего направления, гром и молнии метал. Ничего, успокоился, когда понял, что нечем тебя зажать, и даже на премии тебе плевать. У тебя что, ещё какой-то источник дохода есть?

– Есть и такое. Не скрываю. Но на службе это никак не сказывается. Если надо, буду днями и ночами сидеть и де-

лать. Я уже всем начальникам объяснил, что служу не ради материальных благ. По призванию служу, это моя любимая профессия, любимое дело жизни. И это не пафос. Поэтому со мной или по-хорошему, или никак. А показывать свою лояльность и зависимость, уходя со службы в одиннадцать вечера, это не моё. Надо будет – уволюсь, но этого я не хочу. Пусть думают и переосмысливают саму организацию службы. Тоже реформа нужна. Ну в чём смысл того, что офицеры здесь сидят до ночи?

– Иногда есть такая необходимость.

– Иногда есть. Не спорю. Но тогда и проблем со мной не будет.

– Это, конечно остаточные явления солдафонщины. Ма-разм. И ещё кое-что.

– Что?

– Например, НГШ может в любое время позвонить и задать вопрос начальнику ГОУ. Вполне естественно, начальник ГОУ может чего-то не знать или ему надо что-то уточнить. Вопрос далее адресуется начальнику соответствующего управления или его заместителю, тому тоже что-то нужно уточнить, это нормально. Далее начальник направления. А вот ему уже непростительно что-то не знать, но это сплошь и рядом. Он транслирует таким, как мы с тобой, но тебя уже на службе нет. А по сотовому телефону не спросишь. И на каждом этапе сроки сжимаются. Вот в этих начальниках направлений загвоздка. Нужны на этих должностях люди, которые

давным-давно служат здесь, всё знают вдоль и поперёк, которые сами всё прошли именно здесь, а не в войсках. Но у нас часто не так. Таких, которые пришли сюда сразу после академий, единицы. То есть надо, чтобы не такие, как мы, сюда приходили, а надо, чтобы в ГОУ отбирались офицеры сразу после академий, и росли уже здесь постепенно. То есть прохождение должно быть чисто генштабовское, войскового опыта вполне достаточно того, который получен до поступления в профильные академии. Но и сами направления должны быть более специализированные, их должно быть больше, а какие-то вопросы вообще можно вынести из ГОУ напрочь. И это есть. Так я вижу. Правда, не должно быть такого, что начальник направления частенько не знает, какой документ отрабатывает его офицер, а если так получилось, то надо тогда начальникам управлений отдуваться по полной.

– Да, Генштабу тоже реформа нужна.

– Но очень тонкая. Тоненькими отвёрточками, деликатно.

Мы выпили ещё по рюмке. Бутылка закончилась.

– Больше нет. Пошли по домам.

На следующий день после обеда я принёс в кабинет несколько дорогих бутылок коньяка и виски, несколько лимонов и апельсинов, пакет яблок, и сообщил, что это наше общее, что можно угощаться в любое время, когда есть желание. Морозов внимательно рассмотрел бутылки и не смог удержаться, чтобы не попробовать один из коньяков.

– Превосходно. Такой напиток можно не закусывать даже.

Ближе к вечеру мне позвонила советница министра и попросила зайти к ней.

Совсем баба обнаглела. Я тебе что, твой подчинённый, что ли!

– Я сейчас занят и надолго.

– Мне надо с вами посоветоваться.

– Не могу. Вы можете посоветоваться с моим начальником управления.

– Я советник министра, и министр нам разрешил консультироваться с любыми экспертами.

– Во-первых, я не эксперт. Я офицер Генштаба. Прошу меня больше такими словами не называть. Во-вторых, мой начальник управления знает много больше моего и гораздо глубже.

– Я вас поняла, – с угрозой в голосе заявила эта женщина и положила трубку.

Прошло несколько минут, и меня вызвали к начальнику управления.

– Вы что там опять этой дурной бабе наговорили, товарищ полковник? – такими словами встретил меня двухзвёздный генерал.

– Сказал не то, что думал, и не так, как хотелось бы.

Генерал заулыбался, но, сделав над собой усилие, продолжил.

– Что там случилось?

Я в нескольких словах ему ответил.

— Ну, всё правильно сказали. А она шум подняла, говорит, что не дают возможности общаться с какими-то там экспертами.

— Какие указания, товарищ генерал?

— Надо бы с ними поосторожней. Дуры. Доложит министру, а там поминай как звали. Ничего не объяснишь.

— Но мне начальник направления приказал прекратить с ними всякие контакты. Довёл, что теперь вы сами будете с ними разговаривать.

— Делать мне больше нехер! Я ещё баб всяких подзаборных не ублажал. Давай сам с ней решай. Только следи за речью.

— У меня тоже задачи идут потоком. И с подзаборными бабами не имел дел никогда, это ниже моего достоинства.

Генерал в открытую заулыбался.

— Задачи. То-то мне докладывают, что уже в восемь вечера вы демонстративно со службы уходите, без разрешения начальника группы и направления.

— Ухожу, когда дела заканчиваю.

— А почему без разрешения?

— Рабочий день установлен. Я ничего не нарушаю.

— Понятно. Не надо только демонстрировать свою независимость и пренебрежение к установленным традициям.

— Виноват. Исправлюсь.

— Юрий Геннадиевич, вы хороший офицер. Ваше личное

дело я давно изучил, да и так знал о вас многое ещё до нашей первой беседы, до назначения. Вижу, что мы с вами не ошиблись, но надо уважать установленные годами, десятилетиями порядки. Здесь чисто офицерский коллектив, где полковник – он же рядовой. Это вам не штаб танковой дивизии, где вы его начальник. Здесь большой коллектив полковников и генералов, с огромным опытом службы и, конечно, ваше поведение не может остаться незамеченным. Надо как-то и с сослуживцами поближе, что ли? Не знаю. Но надо как-то по-человечески. Не спешите с ответом. Подумайте. Осмыслите. Тут ведь как получается? Таких, которые тут прямо в Генштабе выросли с молодых лет, немного. Абсолютное большинство пришли с солидных должностей в войсках и на флотах, после академии Генштаба. Ломку, здесь определённую пережили, нелегко перестроить мышление: был большим командиром или начальником, стал просто исполнителем. Уже вжились в эти условия, в эти правила. А тут смотрят: пришёл новенький сорокалетний полковник без академии Генштаба, квартира у него откуда-то, да ещё и уходит так рано. Значит, ничего с ним сделать невозможно. Что думают? Думают: блатной какой-то, не иначе. Сразу отношение соответствующее.

– Учту и выводы сделаю.

– Вот и хорошо. С этой советницей я просто вас прошу, будьте аккуратнее. Всех ваших начальников я предупрежу, что вы будете с ней работать. Не знаю, чего это она именно к

вам привязалась. Но её капризы придется выполнять. Иначе если пожалуется на вас министру, мы всем Генштабом вас не отстоим. Вот такие настали времена. И если будет какая-то интересная информация, в любое время прошу ко мне и без всяких условностей.

Мой начальник управления был человеком циничным и откровенным карьеристом, но он был совершенно не склонен к показухе, не было в нем этой характерной для многих ему подобных черты. Я уже приоткрыл дверь его кабинета, как генерал задал вопрос:

– И всё-таки, чего она именно к вам прицепилась? Вы ей говорили, что не женаты?

Я закрыл дверь и ответил:

– Я на личные темы с ней не разговаривал. А вы говорили? Просту прощения.

– Ну вот ещё!

Я и так не сомневался, ведь он нисколько не скрывал своего к ним полного пренебрежения.

– Не понятно, – задумчиво произнёс генерал.

– Думаю, что ей понравилось, как я разъясняю возможные точки зрения военных людей. Они ведь, на мой взгляд, пришли с какими мыслями? С мыслями, что здесь все военные воруют и зажрались просто. Я так понял, им такую установку дали. Сказали, что с каждым годом военные расходы становятся всё больше и больше, но ничего не улучшается. Они не понимают, какие накопились у армии хвосты за все годы. Но

понимают, видимо, что и их потуги закончатся тем же, если не провести военную реформу. И тогда уже финансировать то, что останется, то, что нужно. Ну и воровство, конечно, куда же без него.

– Ошибаетесь. Они понимают, что долги у министерства гигантские. Как раз в этом вопросе у нас, у Генштаба, с ними полное взаимопонимание. В остальном я с вами, Юрий Геннадиевич, согласен.

– И совершенно точно они считали, что «военная специфика» – это искусственная вещь. Думают, если что-то работало в налоговой, то это не может не работать в другом госоргане.

– И тут вы близко подошли. И действительно смотрят на нас, как на ворьё. Видимо, у них такая установка. Где-то это очень даже обоснованно, наверняка все главные и центральные управления министерства, которые занимаются расходованием средств, в этом погрязли.

– Но не понимали сначала, что тот же Генштаб – это вообще не про деньги. Когда начинают что-то делать, то наталкиваются на огромное противодействие со стороны офицеров и генералов главных и центральных управлений министерства. Естественно, по разным причинам. Отсюда все для них враги. Потом так вышло, что она начала работать со мной и видит совсем другой взгляд. Иной раз – за, иной раз – против. Но она понимает, что я объективен в своих субъективных взглядах. Понимает, что я и мои сослуживцы ника-

кие государственные бюджеты не расходуем. Сейчас, видимо, дошло до них, что есть в военном ведомстве специфика, да ещё какая! Вот и тянется со мной что-то обсудить, услышать другую и честную точку зрения. А потом, у них уровень знаний какой? Вот я сам столкнулся. Для них словосочетания «министерство обороны» и «вооружённые силы» просто синонимы. Даже в этом элементарном вопросе у них позорное невежество. Ничего не знают и не понимают, кроме денег.

– Возможно, вы правы. Есть тут что-то рациональное. Но есть и много «но». В любом случае, помогайте ей, если посчитаете это правильным. А то ведь после того, что они здесь натворят и нагадят, нам с вами вычищать придётся.

Я вернулся в кабинет и набрал номер советницы.

– Ну наконец. Зайдите ко мне, пожалуйста, минут через сорок.

Когда подходил к кабинету, увидел, что из него выходят генералы и полковники из штаба Тыла Вооружённых Сил.

Странно. То одним занимается, то другим. Непонятно. У этих советников есть какое-то разделение между собой? Надо спросить.

Женщина приоткрыла окно и предложила мне присесть. Пошёл холодный, свежий воздух.

– Юрий Геннадиевич, вы чай будете или кофе?

– Пожалуй, кофе с сахаром, без сливок.

Женщина кому-то позвонила и распорядилась насчёт на-

ПИТКОВ.

– Вы знаете, а вы ведь тогда оказались правы.

– Когда? В чём?

– Тогда, в приёмной НГШ, насчёт банковских карт.

– И в чём я оказался прав?

– Да ваш НГШ меня сразу в лоб спрашивает: а ФСБ деньги военнотружущим тоже на карточки в банк перечисляет? То есть по смыслу тоже самое, что и вы мне говорили.

– Ну вот видите.

Какая-то молодая и миловидная девушка принесла напиток. Когда она вышла, я спросил:

– Откуда такие? Раньше ничего подобного не наблюдалось.

– Это наш министр нанял через аутсорсинг секретарей и обслуживание. Они и нас, советников, обслуживают.

– А между советниками есть какое-то разделение? А то такое ощущение, что вы одновременно всем подряд занимаетесь. Вон, вижу, тыловики вышли от вас явно ошарашенные.

– Ну, в общем есть. Но тут ещё министр даёт конкретные поручения по разным темам, разобраться и доложить состояние дел, сделать предложения. Вот и приходится разным заниматься.

– То есть, может поручить всё что угодно? – несколько шуточно спросил я.

– Нет. Если серьёзно, то ни он, ни мы тем более не имеем

право вмешиваться в оперативное управление войсками и флотами. Категорическая красная черта, ни в коем случае не затрагивать вопросы деятельности войск. Это всё на вашем НГШ. И поэтому столько согласований с Генштабом по всем вопросам, чтобы потом ваш НГШ не обвинил министра, что мы суём нос куда не надо.

– Так чем с этими карточками закончилось?

– Ну, я доложила министру, что надо вопрос с ФСБ согласовать, он дал поручение канцелярии подготовить текст письма в ФСБ и дать ему на подпись.

– Всё правильно.

– Да, этот вопрос не вызвал у НГШ отторжения, он тоже, как и вы, считает, что это современно и нужно делать, только один этот вопрос встал. Дождёмся ответа. Я вас хотела расспросить как следует, как вообще организовано питание в частях, как эти вопросы решаются. Мне ваш начальник управления сказал, что вы, несмотря на свою молодость, успели несколько лет полком прокомандовать и пройти должность начальника штаба танковой дивизии. Это так? – с неподдельным интересом и с некоторым недоумением спросила меня она.

– Да. Это так. А чему вы удивляетесь? В ГОУ большинство так. Здесь фронтами, флотами, армиями, корпусами, флотилиями и эскадрами командуют. Кольская эскадра направо, Каспийская флотилия налево, 16-я воздушная армия на Пекин, ну и так далее. Как вы думаете, сможет в таком

управлении служить двадцатидвухлетний лейтенант? – шутливо произнёс я.

– Я уже поняла. Поэтому и хочу с вами поговорить. Понимаю, что вы прошли всё, что положено в войсках, но всё-таки вы ещё молодой человек, современный и не имеете отношения к тылу. Я правильно понимаю?

– Не имею отношения к организации тылового обеспечения. Так будет точнее.

– Ну, пусть так.

– А что конкретно вас интересует? Тема настолько обширная, что тут можно рассказывать очень долго. Задайте мне более конкретный вопрос, а я дам честный ответ, как это реально работает.

– Отлично! Вы, когда полком командовали, довольны были организацией питания солдат? Сколько у вас человек было в полку или должно было быть?

– Было полторы тысячи человек. По штату военного времени должно было быть две с половиной тысячи. Доволен ли я был? Никогда! Сколько служу, всё время проблема, всё время парашей кормят. И, кстати, не только солдат. Офицеры и прапорщики на полигонах и на войне с солдатом из одного котла парашу едят, официально стоят на довольствии.

– Почему вы называете это парашей?

– Так это называет его величество Солдат.

– А что бы вы поменяли?

– На войне у всех должен быть «шведский стол». Ешь, что

хочешь, и сколько хочешь, если это горячее питание. Если сухой паёк, то его надо улучшить и «углубить». Требуется значительное усиление рациона питания на занятиях в поле, при активной боевой подготовке. Вообще солдат приходит к нам в основном из социально неблагополучных слоёв общества, и первое, что нужно сделать с таким солдатом, – это его накормить. То есть первое – это нормы довольствия. Второе – это вопросы доведения норм довольствия до солдата.

– Второе – это что вы имеете в виду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.